

Станислав Мажинский

Дожди
Мёртвых
Империй

Бури Газзалакса #1

Станислав Мажинский

Дожди мёртвых империй

«Издательские решения»

Мажинский С.

Дожди мёртвых империй / С. Мажинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901019-3

«Политика — штука гибкая, и иногда нужно изгибаться и самому, чтобы оставаться в игре. А когда ты полностью в игре, то прекрасно понимаешь не только правила, но и как их обойти».

ISBN 978-5-44-901019-3

© Мажинский С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1. Лимесса. Территориальные воды	7
2. Лимесса. Лигерхальд	12
3. Лимесса. Руфаберро	16
4. Лимесса. Лигерхальд	21
5. Лимесса. Руфаберро	27
6. Лимесса. Лигерхальд	31
7. Лимесса. Эйзулур	36
8. Лимесса. Руфаберро	41
9. Лимесса. Эйзулур	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дожди мёртвых империй

Станислав Мажинский

© Станислав Мажинский, 2018

ISBN 978-5-4490-1019-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

И когда из пепла восстал первый человек,
И когда увидел он солнце, греющее по-иному.
Солнце, не дающее тепла и энергии света.
То лишь серые выгоревшие пустоши окружали его.
То солнце было великой звездой, поменявшей свой лик,
Дающее не теплоту, а синий холод океанского дна.
И ступил человек на землю, которая стала пеплом,
И увидел человек города, которые стали пеплом,
И увидел он людей, которые стали пеплом на ветру
И посмотрел человек на руки свои
В свете холодной небесной синевы,
Глубокий страх и ужас объял глубину его
И пролились на руки слезы горячие,
Обжигая пальцы его и замутняя взгляд полный страданий
По бесплодной земле, что была ему домом,
Стелились силы покоя, пустоты и тишины
И больше не было жизни, чем он сам,
И больше не было разума, чем он сам
И больше не было глаз, чем он сам,
А великая звезда с холодным ликом
Прощалась со всем тем, что стало пеплом
И встречала того, кто нашел в себе силы
Встать на пепел мертвой империи.

Йиргон Великий

Отрывок из гиллады «Человек и пепел»

«Трактат о синем солнце»

1. Лимесса. Территориальные воды

457 индикт нового Газзалакса, ход Ювы.

Плотная пелена тумана стелилась над безукоризненной гладью моря. В предрассветное время туман достаточно частое явление для этих мест. Сквозь темно-молочный занавес огни сигнальных морских буюв были еле заметны. Они то появлялись, то исчезали, как маленькие красные точки в белизне.

Тишина. Все звуки исчезли прочь, предоставив океан и туман самим себе.

Блаженную идиллию нарушали удары мощных весел о морскую поверхность. Большая рыбацкая лодка с двумя мужчинами непринужденно скользила по морской глади сквозь молочные дебри тумана. Тот, что постарше – работал веслами, а тот, что помоложе – сидел напротив него, спиной к носу лодки. Оба были в желтых водонепроницаемых теплых комбинезонах с капюшонами. Это была необходимая и универсальная одежда местных рыбаков и аквафермеров. При холодных ветрах, дождях или попадании в открытый океан комбинезон не пропускал воду и держал тепло, тем самым спасая рыбаков от переохлаждения.

Мужчина, сидящий за веслами, перестал грести и расстегнул массивную молнию костюма, доведя застежку до уровня живота. Лодка предалась свободному скольжению. Он часто дышал, выпуская клубы пара.

Парень обернулся в пол оборота и посмотрел на мелькавшие в туманном молоке красные маленькие точки предупредительных огней, к которым двигалась лодка. Он вернулся в исходное положение и заговорил:

– Жутковато ночью в тумане. Да и на небе ни одной звезды, ни луны. – Парень поднес сомкнутые ладони ко рту, вдувая в них теплый пар. Затем, спрятав руки в карманы, он устремил взгляд сквозь туман на небо. – Слушай, Гро, мы уже почти в восемнадцати парсанах от берега, скоро достигнем сигнальных буюв и пиртовых заграждений. Да и халазановое поле скорее всего уже пропало. Нам уже пора бы начать!

Гро возился во внутренних карманах комбинезона. Он искал что-то внутри с одержимым усердием. Достав странный цилиндрический предмет, он взглянул на парня.

– Не строй из себя девчонку, Колл! Ты же хочешь обогатиться? Тем более риск в этом деле необходим.

Колл поджал губы и уставился на странный предмет в руках Гро.

– Что это? – щурясь, спросил Колл.

Гро отпустил самодовольную улыбку.

– Это вещица сделает за нас всю работу, – тряся предмет в руке, с надменностью проговорил Гро. – Нам останется лишь поработать немного руками. – Гро передал цилиндрический предмет Коллу и продолжил таким же уверенным тоном: – Работая в воде, эта штука будет издавать особый звук. Для нас конечно неприятный, но для такого дела можно и потерпеть. К источнику этого звука и будут стремиться сотни красных клиофаммов.

– Где ты это добыл? – с нескрываемым удивлением поинтересовался Колл, не сводя глаз с его рук.

– Поклянись, что не проболтаешься? – серьезно спросил Гро, наставляя толстый указательный палец на Колла.

– Клянусь! Ну, так где? – продолжал допытываться парень.

– На семнадцатой горе! – Хохот Гро расколол предрассветную мрачную туманную тишину.

– Да ну тебя! – Колл махнул на него рукой и потупил взгляд.

Гро какое-то время еще изрыгал булькающий смех, но затихнув, передал цилиндр Коллу. Тот рассматривал и вертел цилиндр в руках, как диковинную игрушку. Гро в это время оглядывался по сторонам, словно не желая быть замеченным.

– Ты захватил охлаждающий гель для горячих жемчужин? – спросил Колл, возвращая цилиндрический предмет Гро.

– Конечно взял. Я же не хочу поджариться. Все в баке. – Гро кивнул в сторону ящика, закрепленного в задней части лодки. Затем вложил цилиндр во внутренний карман и, не застегивая комбинезона, принялся грести дальше.

– Для чего нужны эти горячие жемчужины, что за них столько много платят? – Колл бросил сквозь полумрак вопросительный взгляд на Гро.

– Говорят, что какую-то часть продают в Шаккам, а остальное отправляют на обеспечение городов. Свет, тепло, горячая вода на много индиктов вперед. Уж поверь, ученые головы знают, куда применить эти горошины. Уже создали эти астагемы, которые летают по Сагрене с скоростью ветра. – Немного помолчав, Гро продолжил: – Города с них хорошо живут. И мы тоже скоро заживем хорошо. – Улыбка засияла на лице Гро.

Колл тоже выдавил соглашающуюся улыбку, хотя внутри него была большая смесь из недоверия и сомнений. Тем временем лодка стремительно приближалась к сигнальным огням.

– А зачем южанам жемчужины? Там же тепло? – продолжал спрашивать Колл.

– Откуда ж мне знать! – фыркнул Гро. – Но могу сказать с уверенностью – им они нужны не для того, чтобы согреться. Южные торговцы немногословны, тем более они даже на наш берег не сходят. Наши им грузят товар, те рассчитываются и отправляются назад. Нашим тоже не разрешают сходить на их землю. Так что все, что ты слышал про Шаккам либо выдумки, либо рассказы пьяных портовых грузчиков.

– Корфайдеры рассказывают, что за горами на юге очень много зелени и много разных животных, и растет много съедобного... – мечтательно произнес Колл, а затем со вздохом произнес: – Эх, побывать бы там! Хоть разок...

Гро продолжал налегать на весла. Сигнальные огни становились все ближе. Тишина и густой туман висели в воздухе, создавая тем самым жуткую атмосферу предрассветного времени.

– Гро, сегодня начало хода Ювы – ожидается большой праздник во всей Лимессе. Ты сегодня будешь вечером веселиться?

– От веселья голова болит на утро, – недовольно ответил мужчина. – Тем более в Руфаб-ерро праздника сегодня не будет.

– Почему это?

– Все жемчужины будут у нас.

Они оба залились смехом.

– Слыхал, – посмеявшись, сказал Гро, – кто родится в первый день хода Ювы, тот будет богат до самой старости.

– Да ладно!? – удивился парень.

– Завидую тем, кто сегодня родится...

Внезапно лодка вышла из густого тумана, словно они попали в островок ясности. Яркость мигающих фонарей стала четкой и резала глаза. Гро остановил лодку неподалеку от мигающего красным сигнального буя. Поодаль от него, на водной глади виднелась бескрайняя белая полоса пиртовых заграждений, уходящая на юг с мигающими буями. Он достал из бака две пары рыбацких перчаток, сосуд с охлаждающим гелем и большие металлические ножницы. Затем полез во внутренний карман комбинезона и достал цилиндрический предмет.

– Колл, подай-ка веревку там, за тобой.

Колл достал моток тонкой веревки и передал его Гро. Закрепив цилиндр прочным узлом, мужчина начал постепенно опускать его в темную бездну воды. А когда веревки оставалось совсем немного, оставшийся конец Гро примотал к крышке бака. Колл внимательно наблюдал за всеми действиями.

– И что теперь, Гро?

– Сейчас увидишь! – почти шепотом, с оскаленными зубами, проговорил мужчина. Его радостное лицо на миг красным осветил сигнальный огонь. Он достал из кармана комбинезона прибор, похожий на тот, что уже был в воде – маленький и цилиндрический.

– А зачем еще один? – не понимая что происходит, спросил парень.

Мужчина закатил глаза:

– Откуда же тебя такого глупого взяли? – куда-то в небо пробормотал Гро, а затем в приказном тоне выпалил: – Закрой уши, Колл!

Юноша повиновался и мужчина нажал кнопку на цилиндре.

Мощный высокий звук болью пронзил перепонки рыбаков. Гро от боли выронил прибор на дно лодки. Затыкая уши руками, оба жмурились от неимоверной боли, от которой начали болезненно ныть зубы. Казалось, мозг пилили тонкими острыми струнами. Так продолжалось до тех пор, пока Колл, преодолев боль, дотянулся до пульта и нажал на кнопку. После того как оборвался страшный неприятный звук, оба какое-то мгновение наслаждались тишиной и предрассветным мраком, освещенным красным миганием.

– Твою мать, Гро! – вспылil Колл. Его собственный голос отозвался болью в ушах. Парень в боли сжал зубы и руками ухватился за ушные раковины.

– Я же тебя предупреждал, сынок, – со смехом, держась за голову, сказал Гро. – Мама дорогая, мои уши! Не думал, что так сильно зарядит.

Оба некоторое время отходили от звуковой пытки.

– Эх! Надо было поглубже опустить, – произнес мужчина еле слышно.

Колл посмотрел за борт лодки – только бездонная темнота океана.

– Ну, и где же долбанные клиофаммы? – держась за уши, со стоном проговорил Колл. – У меня чуть башка не взорвалась от этого звука.

– Что ж ты так за свою голову беспокоишься!? Она у тебя все равно пустая, – смеясь и корчась от боли в ушах, выпалил Гро.

После некоторого времени проведенного в тишине боль в ушах начала униматься. Мужчина осторожно заглянул за борт лодки. Темнота. Никакого движения. Лишь красное мигание сигнальных огней разбегалось по водной глади.

– Разводка этот твой цилиндр, – недовольно проговорил Колл. – Хорошо, что уши остались целы.

– Смотри, болван! – Гро, не отрываясь от морской темноты, жестом руки позвал Колла.

Колл вновь заглянул за борт. Десяток маленьких фиолетово-розовых точек медленно приближались к поверхности из непроглядной глубины. Это было завораживающее зрелище – как будто медленно подлетаешь к звездам. Гро открыл бак и достал небольшой сачок. Пара рыбацких перчаток прилетела в Колла, отвлекая его от гипнотического действия.

– Давай, работа ждет! – радостно проговорил Гро, доставая сосуд с охлаждающим гелием и быстро надевая перчатки на сильные руки. – Я ловлю, ты быстро вынимаешь его из сачка, я ножницами раскалываю тварь и вынимаю жемчужину. Понял?

Колл утвердительно покачал головой:

– Да, корфайдер Гро!

Клиофаммы подобрлись совсем близко к поверхности. Вода возле лодки светилась магическим фиолетовым теплым светом. Гро быстро провел сачком по поверхности и достал одну особь в сачке. На открытом воздухе она светилась более ярко. Колл живо просунул руки в сачок и достал клиофамма. Волна жара сразу обдала лицо парня, но плотные перчатки

не подавали и намека на обжигающую раковину. От раковины шел пар. Быстрым движением Гро поднес ножницы к раковине. После сделанного усилия, панцирь клиофамма с треском раскололся. Гро просунул руку в шипящие внутренности и извлек заветный темный шарик – горячую жемчужину. Так же быстро он опустил горошину в сосуд с охлаждающим гелем. Свет от клиофамма начал стремительно меркнуть. Колл выбросил безжизненное, еще светящееся тело за борт, и оно с шипением стремительно пошло на дно.

Работа продвигалась быстро. За достаточно короткое время они переловили всех клиофаммов, что скопились возле лодки. В голове у Колла начали появляться идеи – куда он потратит все, что выручит с продажи горячих жемчужин. Ему хотелось и иметь собственную лодку, сделать подарки девушкам, которые ему нравились и попутешествовать по Сагрене, побывать в Эйзулуре, Даргалионе и Лигерхальде. Мысли быстрым хороводом крутились в его голове.

Закончив работу, Гро достал цилиндрический прибор из воды и спрятал в комбинезон.

– Ну, вот и все, – довольно выдохнул Гро.

Усевшись за весла, он развернул лодку в сторону берега и усердно начал грести. Вдруг Колл устался на мигающий сигнальный огонь.

– Погоди-ка, Гро! – сказал парень, словно под гипнозом, вперив взгляд на буй.

– Что там, Колл? – Мужчина перестал грести и обернулся. Гро увидел лишь мерцающий во мраке буй и, оборачиваясь, возмущенно произнес:

– Это всего лишь сигнальный огонь!

– Да ты дальше посмотри! – резко ответил Колл.

Мужчина повернулся еще раз. Увиденное им было опасно манящим.

Буквально через мгновение они оба приподнялись и стояли на полусогнутых. За бум виднелась разделительная полоса пиртовых заграждений, а за ней поверхность моря была настолько ярко освещена фиолетово-розовым, как будто огромный прожектор из глубины пробивал воду мощным столбом света.

– Невероятно, – зачарованно прошептал Гро.

Лодка стремительно неслась к пиртовым заграждениям.

– Ты что хочешь перемахнуть за пиртовые заграждения? – взволновано спросил Колл.

– Я не дурак, чтобы оставлять столько добра, – с отдышкой проговорил Гро.

– Но по ту сторону заграждений обитают мантабиры. Это самоубийство!

– Ты все веришь в эти сказки? Ты хоть раз его видел?

– Ну... – протянул Колл, – только на картинках.

– Это точно такие же байки, что ты можешь услышать от пьяных портовых погрузчиков, – продолжая налегать на весла, отчеканивал Гро. – Мантабирами и прочей нечистью пугают детишек, чтобы они вели себя хорошо.

Они проплыли буи с сигнальными огнями и вплотную подоברались к полосе пиртовых заграждений. Ярко фиолетовый-розовый свет вырывался из морской глади рассекая полумрак и туман, доводя воду на поверхности до кипения. Обильные клубы пара поднимались на месте свечения.

– Их тут тысячи! – изумился Гро. Его глаза были заражены сумасшедшей одержимостью.

– Может, мы лучше останемся на этой стороне? Ведь мы уже взяли сколько надо... – нудил Колл.

– Хватит паниковать, Колл! – Гро злобно посмотрел на парня. – Ты же видишь, что из-за дурацких пиртовых сетей клиофаммы не могут проникнуть к побережью. А если и проникают, то в очень малых количествах. А тут, смотри их сколько! Мы богачи, Колл!

Лодка преодолела заграждения. Они вышли в большой океан. Подплыв близко к кипящему свету, Гро бросил весла и потерял руки. Лица рыбаков осветил магический фиолетовый свет. Столько клиофаммов – это было поистине мания.

– Еще пару десятков наберем и домой, – довольно сказал Гро.

Не успел он договорить, как из кипящей воды с обеих бортов с невероятной быстротой вырвалась дюжина крючков на прозрачных нитях и впились в лицо Гро. Он завопил от страшной боли. Крючки продолжали появляться из воды и впивались в лоб, щеки, глаз, шею и комбинезон. Гро закрыл лицо руками. Кровь тонкими струйками просачивалась сквозь его пальцы. Некоторые крючки возвращались обратно в океан, забирая с собой рваные клочки лицевой плоти.

От такой страшной картины у Колла затряслись руки. Все тело обьял ступор. Мозг отказывался думать о каких-либо действиях. Уставившись на окровавленное лицо Гро, дрожащими от страха губами Колл начал без остановки шепотом повторять слово «мантабиры».

Все происходило настолько быстро, что Колл не успевал осознавать, что происходит. Пучок новых крючков вырвался из кипящей воды и впился в закрывавшие лицо руки Гро и борта лодки.

– Сделай же что-нибудь! – пронзительно прокричал Гро.

Тело Гро покачивалось из стороны в сторону. С одной и с другой стороны его хотели утянуть в океанскую бездну.

К Коллу отрезвляющей вспышкой возвратился рассудок. Он понимал, что если он станет помогать Гро избавляться от ужасных крючков, то его самого могут утащить в океан эти твари. Он схватил лежащие на дне металлические ножницы и забился в носовую часть лодки. Ножницы в руках Колла давали ему небольшую надежду отбиться от морских чудовищ. Лодка стремительно нагревалась от кипящего моря. Сквозь крики Гро и тот ужас, что творился перед его глазами, он слышал биение множества крючков о дно и борты лодки.

Они хотели уничтожить все.

Гро продолжал кричать от боли и сыпать угрозами Колла, которые сливались в череду неразборчивых звуков. Количество крючков на его лице, если это еще можно было назвать лицом, стремительно увеличивалось и тянуло его за борт. Кровавые костяшки пальцев прикрывали то кровавое и уже непонятное место, что было еще мгновения назад лицом. В фиолетовом свете кровь черными линиями стекала по желтому комбинезону. Крик постепенно перерастал в монотонные стоны, шипение и бульканье. Лицо и руки Гро превратились в однородную массу. Крючки с каждым разом забирали в океан куски его плоти, и быстро возвращались за новой порцией. Из горла кровь была фонтаном, падая мелкими каплями на Колла.

Вдруг тело Гро выпрямилось, словно это был приступ, при котором мышцы всего тела испытывали колоссальное напряжение. То, что раньше было лицом, стало издавать сильные шипящие звуки, казавшиеся нечеловеческими. Колла обдал более сильный приступ страха. Он впал в оцепенение. Руки и ноги тряслись. Он не мог их контролировать.

Через некоторое время Гро перестал сопротивляться и его обмякшее тело с тяжестью перевалилось за борт лодки, увлекаемое бесцветными нитями, прямо в кипящую воду розового цвета. Лодка так сильно накренилась, еще чуть-чуть и Колл бы плавал в кипятке. Но все обошлось.

Он крепче прижимал металлические ножницы, лежа на дне качавшейся лодки. Он был полностью охвачен страхом. Его комбинезон был в каплях крови Гро, которые были еще теплыми. Глаза Колла были широко открыты и устремлены сквозь туман в черное небо. Мощное свечение возле лодки со временем постепенно угасло. Пар поднимался от водной поверхности и сливался с туманом.

Позже полумрак начал блекнуть и первые лучи солнца стали тяжело пробиваться молочную завесу.

2. Лимесса. Лигерхальд

Он бежал по улицам со всех ног. Со свинцового тяжело-нависавшего неба лил мощнейший ливень. Одежда – закатанные до колена штаны и белая рубашка – прилипла к телу и сковывала движения. Он ощущал, что его босые ноги с норовистой быстротой топали не по лужам, а по маленькой речушке, бегущей по узкой улочке между домами. Бьющие в лицо капли мешали фокусировать зрение на проносящихся около него уличных деталях. Единственное, что он мог различать – это серые стены домов, выраставших у него на его пути. Серые трех или четырехэтажные однотипные дома блоками выстраивали путь лабиринта, в который он попал. Это был незнакомый город.

За ним гнались. Это была темная, готовая вот-вот взорваться, кабафоническая масса непонятных и устрашающих звуков зверей, о которых он, возможно, слышал от учителей или встречал в мифах и легендах. Боковым зрением набегу он делал несколько попыток разглядеть это. Казалось, что темно-коричневая волна хаоса гналась за ним, сметая все на своем пути. Из-за обильного ливня он не мог разглядеть, что же это было. Жизнь была более важным моментом в этой ситуации. Шум, состоящий из злого рыка, визга, отчаянных звуков, темной стеной преследовал его.

Он то и дело успевал делать быстрый выбор, куда ему завернуть, опираясь только на интуицию, вызванную чувством страха и инстинктом самосохранения. Ни о чем другом думать не приходилось. Сумасшедшая погоня отключила все мыслительные процессы. Только движение, только скорость. Дождь стеной стоял на его пути, производя оглушительный шум.

Забежав за угол дома, он попал в тупик. Квадратная площадь, сформированная домами, заставила его резко сбить набранную им скорость. Оконные ставни на всех этажах были плотно закрыты. Лавки, стоящие возле стен, бочки и цветочные горшки передавали звуки безумного ливня. Выбегать обратно уже не было смысла, коричневая злобная стена в два человеческих роста преградила единственный выход. Он тяжело и часто дышал, сердце билось с невероятной скоростью. Только сейчас он начал ощущать, что огромные капли дождя, падающие с неба, с острой и одновременно тяжелой болью решетки его тело.

Он всматривался в своего преследователя. Это напоминало кипящее коричневое облако, издающее настолько жуткие звуки, что он сделал несколько шагов назад. Облако начало медленно подкрадываться к нему. Он и не заметил, как его плечи плотно прижались к серой стене дома.

Он был в ловушке.

Яростная шипящая стена жадно поглощала пространство вокруг него. И когда между ним и кипящим от гнева облаком оставалось около десяти шагов, оно бросилось на него с огромной скоростью.

От такого сна Икфо проснулся в холодном поту. Сердце колотилось в груди, чуть ли не выпрыгивая. Он часто дышал. Глаза с испугом смотрели в потолок.

Предраассветный полумрак заполнял просторную спальню. Он откинул одеяло и уселся на край кровати. Горло першило и требовало воды. Приходя в чувство от дурного сна, он подошел к просторному окну, из которого открывался вид на сады и парковые зоны Лигерхальда. Внизу сады покрывал густой туман. Гряда свинцовых облаков покидала город, омыв его мощным ливнем. Деревья после сезона ветров выглядели беззащитными. Скоро на них будет уйма зелени и плодов, но сейчас их ветви и остоны стояли в одиночестве утренней тишины.

За садами виднелись строгие угловатые силуэты многоуровневых домов из стекла и металла. В некоторых окнах уже были огни. Лигерхальд лениво и нехотя просыпался, встречая новый день.

Над городом, на незначительном расстоянии от горизонта, тяжелой доминирующей массой висел Газзалакс, планета-спутник огромных размеров. Если исполинская планета вышла на небо, то за ним и солнце – эту небесную механику знали все.

Икфо много узнал про эту планету в школе. Ее атмосфера состояла всегда из облаков темно песочного цвета. Однако, иногда были видны белые облака, как здесь, они напоминали ряды белых лент на золотисто-коричневом ковре, но в целом же гигант выглядел как большой тяжелый шар. Ученые из Даргалиона ни разу не видели Газзалакс безоблачным. Так же он знал, что раньше планете-гигант была еще ближе к его планете, это вызывало мощные приливы и отливы на побережье.

Просторная комната с окнами от потолка до пола застыла в предвкушении солнечного света. Впавший в задумчивость, Икфо стоял возле окна в расшитом традиционными мотивами шаккамском халате, любуясь золотым заревом, висевшим на горизонте. Начинался первый день хода Ювы. В народе это называлось «Сезоном Цветения».

Сегодня вся Лимесса будет погружена в атмосферу праздника. С великих гор в Лигерхальд должны будут спуститься миллионы золотых ллув Астор – золотистых, не имеющих веса, паутинок разной величины. Ллува Астор – это знак того, что скоро все начнет покрываться зеленью, а так как Лигерхальд находится достаточно близко к горному массиву Гаримида, то золотых паутинок в городе в течение одного дня будет несметное множество. Так как паутинки были признаны безобидными, то на этот «золотой снегопад» привозят детей из ближайших городков и поселков.

Отойдя от окна, он подошел к карте континента, висящей на стене. На прямоугольном плакате, в верхней его части, красными буквами было написано «Даррот Астор», что в переводе с парсианского это значило «твердь Астор». На рисунке был изображен континент, две трети которого практически по середине занимали величественные горы – массив Гаримида, – плавно переходившие с обеих сторон континента в плотные гряды морских скал, которые были прорисованы, как торчащие пики из воды. Эти горы до сих пор таили множество загадок, ведь никому за столько индиктов не удавалось туда пробраться. С великих гор на север (в большей степени) и на юг текли реки, которые среди народа назывались «слезы Астор». К северу от массива была его страна – Лимесса. Страна-страдалец, страна сильная духом, которая восстала после схождения Великого Огня. Территория Лимессы была буквально изрезанна реками и речушками. Это позволяло добраться практически до любого города по воде. К низу от гор располагалось государство Шаккам. Вся территория Шаккама была покрыта лесами и озерами. Имелась также и пустыня, но названия ее Икфо не знал.

Такому обилию рек как в Лимессе, Шаккам мог только завидовать. Эта страна была такой же загадочной как и великие горы, но все лимессианцы знали, что там тепло и есть невиданное разнообразие флоры и фауны.

Вдруг мозг Икфо принял ментальный сигнал от своего отца. Это заставило его встрепенуться и скинуть с себя последние признаки недавнего сна. Отец переслал ему напоминание о том, что он будет ждать его сегодня утром на площади перед Дворцом коллегии великих семей через несколько парсов.

Получение ментальных сигналов стало возможным после возникновения халазановых луж на западе Лимессы. Испарения луж создали халазановое поле, пронизывающее невидимым облаком все северные территории Даррот Астор. Лимессианцы долго приспосабливались к халазану. Однако, научившись понимать, как оно работает, увидели в этом величайшее благо для всех. Они могли беспрепятственно посылать сигналы тем, кто связан с ними генетическими линиями, то есть родственникам и детям, узнавая, где они находятся или что делают. Все общение в халазановом поле строилось на коротких фразах. Каждый мог послать только короткие сигналы, состоящие из одного или пары слов. Существование и взаимодействие в халазановом поле привело к развитию у некоторых, особо одаренных людей, более расширенных

навыков общения. Эти люди могли передавать друг другу целые предложения. Но таковых было единицы.

Икфо знал, что сегодня его пригласят на какое-то срочное заседание по безопасности в качестве эксперта. Он нес службу в городском Агентстве безопасности Лигерхальда, которое считалось центром управления в Лимессе. Агенты Лигерхальда работали во всех уголках северной части континента. Отец предупреждал Икфо, что скорее всего ему предстоит работать вместе с Волигером, координатором по безопасности высокого уровня, полномочия которого выходили за рамки северных территории Даррот Астор. С советником Волигером он был уже знаком, но видел его очень редко, так как тот уже долгое время болел и редко появлялся на виду. Сегодня он проведет свое первое заседание с людьми, которые влияют не только на жизнь Лигерхальда, но и на всю Лимессу.

Икфо позавтракал разогретой булкой, запив фригтовым ароматным напитком. Принял душ и одел униформу. Синий строгий костюм был поверх белой сорочки, которая была скреплена у горла синим парсианским галстуком сшитыми в него золотыми нитями. Стоя перед зеркалом, он приводил костюм к показу на людях.

Раздался сигнал линии сообщения. Икфо подошел к серому прямоугольнику встроенному в стену. Видеосигнал был прислан из Агентства безопасности. Приятной внешности девушка сообщила Икфо следующее:

– Икфо Долигер, арравант Эйлигер просит вас явиться в Агентство и зайти к нему в кабинет перед вашим визитом в Дворец коллегии великих семей. Вам поручено ознакомиться с новым делом.

Экран погас, превратившись обратно в серый прямоугольник. Икфо с большим волнением принял этот видеосигнал. Обычно арравант поздравляет с праздником, а сегодня ему дадут какое-то дело. Сегодня был первый раз, когда Эйлигер вызвал его через своего секретаря. Предыдущие разы это делали его помощники, а это значит, что теперь он удостоился высокой чести. Как думал Инфо, это была награда за его добросовестное отношение к службе.

Торопливым шагом он вышел из жилого комплекса на улицы Лигерхальда, направляясь к молистиновым трубам, которые окутывали весь город. Это были прозрачные, сделанные из особого материала трубы, по которым с невероятной быстротой передвигалось население города. Он подошел к остановке, как раз в то время, когда подъехал конусообразный прозрачный цилиндр с рядами кресел внутри для пятнадцати пассажиров. Открылись заградительный перегородки и овальная дверь транспортного цилиндра. Икфо шагнул внутрь и занял свободно место.

Летя в прозрачной капсуле, лавируя между гигантских домов и серых парков, взлетая над городом и проваливаясь в глубь улиц, Икфо впал в задумчивость, размышляя о причине вызова его в Агентство. Еще вчера арравант утверждал, что он свободен на весь день в связи с посещением Дворца коллегии великих семей. Икфо посчитал это за знак признания и уважения со стороны «большого человека». Но что же могло изменить обстоятельства? Осталось только догадываться.

Через четверть парса он был у Агентства.

Здание Агентства безопасности напоминало трезубец огромных размеров. Последние уровни были настолько высоки, что с них можно было разглядеть весь город. Несмотря на всю сложность архитектурных решений и изящество конструкции, здание вызывало непонятное и странное чувство.

Выбравшись из молистиновой трубы, он даже не успел войти в здание, как, возле главных дверей Агентства его встретил секретарь в униформе, имени которого Икфо не знал, но часто видел.

– Икфо Долигер?

– Да, – отозвался Икфо и остановился.

Мужчина, одетый в такую же форму как у него, подошел к Икфо с деланной улыбкой.

– Это новое и очень срочное дело, которое арравант велел передать вам на ведение. – Он протянул Икфо маленький кейс из легкого серого металла со встроенным защитным паролем. – Все указания и суть дела находятся внутри.

– Но меня ожидает арравант! – с возмущением ответил Икфо, нехотя взяв кейс.

– Арравант попросил его не беспокоить до конца дня, – железным голосом ответил человек в униформе.

– Что-то серьезное? – поинтересовался Икфо, переведя взгляд на кейс. Серый компактный чемоданчик с паролем означал только одно, что дело внутри и его расследование относится к одному из самых высоких уровней секретности, и открывать в присутствии кого-то строго воспрещалось.

– Это в не моей компетенции, – ответил секретарь. – Я лишь передал вам кейс. И мне поручили вас не задерживать, – с улыбкой сказал тот.

– Благодарю вас! – произнес Икфо, и они оба пошли в разные стороны. Один в здание, другой – обратно к станции.

Икфо направлялся к молистиновой трубе с чувством неопределенности и боязненным любопытством перед грядущим.

3. Лимесса. Руфаберро

Как же он ненавидел этот мерзкий город Даргалион, да и Лигерхальд тоже, хотя ни разу там не был. Ему были противны все эти огромные города, где все было настолько не естественно, где каждая сторона горизонта была захламлена громадными зданиями, царапающими небо, где даже поведение людей было искусственным, где даже парки и сады тоже казались ненастоящими. И это несмотря на то, что он родился и вырос в Даргалионе – городе-великане, городе насквозь пропитанном духом новаторства и открытий. Как жителю большого города Соуму еще с детства нравилось выбираться на просторы, на загородные луга, где можно побыть с друзьями и насладиться бескрайними пасторальными пейзажами. Но, увы, это было так редко в его городской и суетной жизни. Да и те луга, на которых он когда-то бывал, усиленно осваивались и теперь там можно было увидеть либо плантации фруктовых деревьев, либо злаковые нивы. Но как только он освобождался от обязанностей, то сразу выезжал к родственникам в Руфаберро, несмотря на то, что до этого городка по времени было более трех парсов пути.

Руфаберро – самая северная точка Лимессы. Это был относительно небольшой городок, который жил за счет рыбного промысла и разведения аквакультур. С растительностью в этих широтах было достаточно бедно. На обширных полях попадались несколько видов полевых цветов, кустарники, которые могли выстоять сезон ветров и небольшие карликовые деревья с очень мощными корнями. О таких пышных полях, как в окрестностях Лигерхальда, местные жители могли только мечтать, но урожай с этих полей на столах у руфаберрийцев был не редкостью, а обычным явлением.

Вот и в этот раз Соуму удалось закончить все рабочие проекты и выбраться в этот городок, чтобы встретить первый день Сезона Цветения, первый день хода Ювы. Ему не нравились обычаи Лигархальда, где на это золотой пепел из ллув Астор съезжались все окрестные города. И тогда и без того населенный город превращался в оплот хаоса. Когда он был маленький, он уже тогда не понимал, зачем его каждый раз привозили в Лигерхальд. Ведь эти ллувы были очень хрупкими, домой их нести было нельзя – ничемная примета, к тому же через несколько дней от них не оставалось и следов. Да и вообще, просто глазеть на летящие золотые хлопья представлялось ему скучным занятием.

Первое посещение Руфаберро, где жил его дядя, было для него настолько мощным, в эмоциональном плане, событием, что после него пригородные пасторали казались старомодной забавой. Первое, что повергло его в восторг – это сама жизнь морского городка. Жители селились в небольших домиках из белого камня, которые напоминали вытянутые полусферы. Весь городок напоминал панель управления с хаотично разбросанными круглыми выпуклыми кнопками разной величины. Приезжающие сюда впервые могли подумать, что данные строения очень малы для семей. Но после посещения таких домиков все догадки рассыпались в прах. Дома были многоуровневыми и большая часть жилых комнат находилась под землей. При входе в такой дом человек оказывался в холле, который перетекал в небольшую кухню. Как правило, верхняя часть дома была одноэтажной, но имелись и исключения, как например, у его дяди Имеда и еще нескольких жителей, где верхняя часть была двухуровневой, да еще и с небольшим балконом. Спальни, чуланы, детские, прачечные находились в подземных ярусах и имели окна в потолке, что казалось необычным для городского жителя. Модель такого жилища напоминала айсберг, который был не редким явлением в северных водах.

Соум спрашивал дядю о причине строительства таких сооружений, ведь Лигерхальд, Эйзулур и Даргалион имели совсем иную архитектуру. Дядя Имед говорил о том, что сезон ветров не редко провоцирует штормы и чудовищные порывистые ветры, поэтому в целях безопасности выбор был отдан именно такому типу жилья.

Большое удивление для Соума было, то что главным местом в доме каждого руфаберрийца был гадиорий – небольшая комнатка, в которой рос гадиор. Гадиор являлся символом и неотъемлемой частью семьи – небольшое деревце, цветущее раз в три-четыре индикта и, которое не росло на открытой местности. С ним у руфаберрийцев было связано много семейных ритуалов и они берегли и ухаживали за ним, как за собственным ребенком.

Для Соума пребывание в этом городе – словно очутиться в другом мире. Он с завистью смотрел на этот городок с окрестного холма, куда уходил один, чтобы собраться с мыслями. С холмов, поросших травой и северными мелкими желтыми цветами, он часто любовался океанским пейзажем, уходящим до горизонта; вдыхал соленый воздух океанского бриза. Даже солнце тут грело по-другому. Его очень привлекал тот уют и простота, которая наполняла этот городок. Большие города Лимессы не шли ни в какое сравнение с Руфаберро. Конечно, были и другие прибрежные городишки со своей архитектурой и традициями, но Руфаберро был вне конкуренции.

В это солнечное утро первого дня хода Ювы он стоял на балконе с бокалом фригговского напитка, который его дядя готовил настолько отменно, что Соум мог выпить несколько бокалов зараз. Он смотрел в океанскую даль. Океан был спокойным. Воздух был полон различных запахов. Люди постепенно начинали выходить на узкие улочки и готовили снасти к празднику, украшали набережную связками разноцветных ярких лент и масками парсианских героев. Скучная растительность Руфаберро, которую составляли небольшие кустарники и цветы и, которая еще не совсем понимала, что пришла пора цветения, была разбросана по улицам серыми клочками. Вдалеке виднелась гладь океана, которая играла бликами на солнце, иногда ослепляя взгляд Соума. Вдоль береговой линии за городком располагались фермы, на которых выращивали аквакультуры: водоросли, морские травы и руфаберрийские пряности.

На балкон вышел дядя Имед. Это был мужчина достаточного возраста, чтобы носить бороду, которая уже почти вся белела от седины. Борозды морщинок ничуть не старили его, а наоборот придавали некую солидность его внешнему виду. Он был тем человеком, о котором можно было сказать, что он создан для жизни у моря. Имед имел достаточно нордический характер, подкрепляя это бархатным басистым голосом. Мощные жилистые руки и крепкий торс не раз приносили ему большие уловы. Большие голубые глаза, как для себя заметил Соум, не смотрели, а осматривали все, что им попадется. Они смотрели как бы с некой надменностью. Но Соум любил этот взгляд, потому что ему говорили, что у него такие же глаза, как у его матери.

– Хороший денек для ловли горячих жемчужин, – подходя к перилам балкона, пробасил дядя. На нем сегодня был одет свитер грубой вязки, закрывавший горло. – Это не только заработок для жителей, но и возможность забыть все обиды и недомолвки.

После ловли клеофаммов, как знал Соум, местные жители выбирали счастливчика, которому удалось поймать больше всего горячих жемчужин и вручали емуменной значок в виде мантабира – круг с выходящими из него крючковатыми лучами. Этот значок давал право на строительство собственного судна для независимого рыбного промысла, что было в свою очередь, как шкатулка с сокровищами для любой семьи Руфаберро. Чем больше значков, тем больше суден разрешалось иметь. Благодаря такому обычаю, в Руфаберро уже сложились мощные рыбацкие кланы.

Имед и Соум стояли бок о бок облокотившись на перила балкона и наблюдали за городком.

– Дядя, а какие сегодня будут события в городе? Кроме заплыва?

– Награждение победителя, большой ужин, танцы. Вообще все как всегда, но каждый год этот праздник пополняется чем-то новым: кто песню придумает, кто игру, а кто и вообще рождает в этот день.

– Сколько я к тебе не ездил, мне никогда не удавалось побывать на этом празднике. Либо пропускаю, либо дела не дают приехать.

– Ну что ж, в этот раз ты приехал как раз вовремя. – Имед похлопал племянника по плечу. – Эх, видела бы твоя мать тебя сейчас...

Дядя Имед в первый раз заговорил о его матери. Эта тема была закрыта для Соума. На все тщетные попытки узнать, что случилось с его матерью, он получал лишь невнятные ответы от его родственников, у которых он находился на воспитании. Ему говорили, что с ней случился несчастный случай и она погибла, прибавляя к этому рассказу пару карточек с ее изображением. Погибла? Но как? Какой случай? Почему нельзя рассказать об этом во всех подробностях? Эти вопросы часто вертелись в голове Соума, вызывая чувство обиды на близких. Ему постоянно казалось, что истина ускользает от него.

– Дядя, ну хоть ты не начинай! – тусклым неуверенным голосом проговорил Соум.

– Теперь уже можно тебе все рассказать. Это раньше наша семья опасалась вводить тебя в курс этого страшного события. Все боялись, что ты можешь закрыться в себе и переживать это событие много раз и, что тебе может понадобится лечение специалиста.

– Но я уже давно был готов выслушать все это, – с возмущением ответил парень.

Несколько рыбаков прошли по улице, неся снасти.

– Ты уже готов, я вижу, – Имед тяжело вздохнул. – Прошу прими это как историю, которая была уже давным-давно, чтобы не было так больно.

– Говорю же, дядя, я готов все выслушать.

– В этот день нужно говорить только правду. Быть не прощенным в этот день – это очень большое наказание, которое может сократить жизнь.

Имед осмотрел с балкона ближайшие окрестности и заговорил:

– Лария была замечательной женщиной. Она родилась здесь в Руфаберро вместе со мной. После того как закончили базовое обучение, мы с ней поехали в Даргалион. Там мы снимали небольшую комнатку в районе университетского парка. Начало учебы далось мне очень тяжело – множество заданий, лекции, самостоятельная работа в информационных базах, – все это было не для меня. У меня в голове постоянно был шум океана. Вскоре я вернулся в Руфаберро и стал строителем. А Лария с успехом закончила обучение и с таким же с успехом познакомилась с твоим отцом.

– Про отца мне рассказывали, – с грустью произнес парень. – Он погиб, сорвавшись вниз при строительстве дома.

– Это было не совсем так. – Имед смотрел на него с глазами полными сожаления. – Стройка всего лишь прикрытие. На самом деле твой отец возглавлял экспедицию на хребет Гаримида, или как еще его называют Великие горы. Это была первая целевая экспедиция в горы после схождения Великого Огня. Хотя сейчас Великий Огонь и все истории, которые вокруг него крутятся, стали мифом. Твой отец собрал группу людей, которая хотела выяснить причины этого бедствия. В то время Лария была уже беременна тобой. Экспедиция оказалась не совсем удачной. Часть экипажа погибла, сорвавшись с гор. А часть, включая твоего отца, пропала без вести. Официального подтверждения того, что он мертв нет. Но вся наша семья твердит, что он погиб...

– Но почему все говорят, что он погиб при строительстве домов в Даргалионе? – перебил его Соум.

– Ты знаешь, тема, связанная с Великим Огнем и Великими горами, в обществе не очень то и приемлема. Схождение Великого Огня спалило всю Лимессу, в прямом смысле этого слова. После этой катастрофы, которая унесла жизни всей страны, тема огня и то, что с ним связано табуированы. Нашему народу пришлось восстанавливать всю страну по крупицам. – Имед хлебнул фригтового напитка.

– Но горы уходят на много парсанов в небо, – начал Соум. – Мы их не всегда то и видим. Почему отец решил, что может перемахнуть через них?

– Все это было сделано ради разгадки тайны схождения Великого огня. Ты бы знал сколько человек сгубила эта забава. Много людей уходили в горы за правдой, но ни одного ответа так и не было принесено. Было много организаций и движений в городах, которые хотели любой ценой узнать правду об Огне. Но проработав продолжительное время, всем им пришел конец, так как энтузиазм в обществе угас, а людей, которые хотели жертвовать своими жизнями, почти не стало...

– Расскажи про маму? – перебил его Соум.

Имед посмотрел на Соума с тяжелой грустью в глазах, от которой солнечное утро немного померкло.

– Эх, Лария! – с горечью произнес он и повернулся в сторону моря, устремляя свой взгляд вдаль. – После твоего рождения, Лария стала работать на производстве, где вся работа заключалась во взаимодействии с горячими жемчужинами. Вся наша семья о ее работе мало знала. Однажды она рассказала мне немного о том, чем она там занимается. Там ставили опыты на горячих жемчужинах. Их исследовали на прочность, твердость, проводимость и многое другое. И в один день там произошел инцидент, который нам рассказали только через несколько дней. Из-за неосторожности в проведении исследования одна из жемчужин сдетонировала и поглотила взрывом всю лабораторию, – с тяжестью в голосе сказал дядя. – Мы даже не могли поехать на место трагедии, так как лаборатория была засекречена и допуск к ней имели только специальные люди. И когда мы попытались...

Вдруг Имеда прервал мужской голос раздавшийся откуда-то справа снизу.

– Имед! Имед!

– Да тут я! – наклоняясь за перила балкона, пробурчал дядя.

– Наконец-то... – ответил небольшого роста пухловатый мужчина с розовыми щеками. Он тяжело дышал. Его и без того крупные глаза были широко открыты, и напоминали глаза какого-нибудь ночного животного. – Тут беда случилась! На акваферме нашли лодку с Коллом. Видок у него такой, скажу я тебе, как будто он в шаккамской бойне побывал.

Не успел тот договорить, как Имед резко вбежал с балкона в дом, быстро спустился по лестнице и выбежал на улицу к пухлому человеку. Они начали говорить между собой вполголоса и Соум, стоящий на балконе, не мог услышать сути дела.

Продолжая разговор с розовощеком, Имед послал ментальный сигнал Соуму: «Собирайся!».

Через несколько мгновений Соум уже шел по направлению к аквафермам вместе с дядей и с тем, кто принес весть. Как оказалось позже, это был один из самых влиятельных производителей специй и пряностей в Руфаберро. Его звали Яох.

– Яох, когда ты заметил лодку? – спросил Имед.

Яох старался успевать за резвыми шагами Имеда, быстро перебирая маленькими ножками.

– На утреннем обходе, – запыхаясь, отвечал аквафермер высоким мужским голосом. – Как только я увидел лодку Колла, сразу же подумал, что-то неладное случилось. Колл настолько плохо выглядел, что мне стало жутко на душе. Я сразу же побежал к тебе.

Пройдя пару кварталов и несколько огромных складских помещений, они вышли к лагуне Рогирн. Океанский воздух – смесь запахов рыбы, соленой воды и водорослей – здесь был особо резок. Сделанные из голубого стекла куполообразные здания располагались как на берегу, так и на воде и были связанные между собой плавучими мостиками. Они подошли к металлическим заграждениям с электронным замком и остановились.

– Я его заметил на окраине, – показывая вдаль левой рукой, сказал Яох, а второй достал чип из кармана штанов. – Почти на выходе из лагуны.

Пройдя через заграждения, они оказались на небольшом пирсе. Затем последовали переходы по маленьким мостикам от одного купала к другому. Следуя за Яохом и Имедом, Соум посматривал за борты мостиков. Он вглядывался в растущие водоросли, которые имели четкие очертания и легко просматривались сквозь прозрачную воду. Имед и Яох шли болтая о своем. По маленьким мостикам, переходя от купола к куполу, они все дальше уходя от берега. Соуму уже не в первой было бродить по здешним надводным переходикам. Много индиктов назад, когда его первый раз привезли в Руфаберро и дядя повел его на экскурсию на аквафермы, это место представлялось ему огромным плавучим городом.

Подходя к одному из куполов аквафермы, Соум увидел рабочих. Их было человек десять. Все были в желтых комбинезонах с радостными лицами, так как почти весь солнечный день они проводили либо под водой, либо в куполах аквафермы.

Яох ускорил шаг и подался вперед, говоря рабочим следовать за ним. Теперь они шли уже толпой к месту, куда вел за собой розовощекий аквафермер.

Дойдя по мостикам до окраины фермерского хозяйства, Соум увидел пирс, уходивший в океан. К пирсу были пришвартованы рыбацкие лодки разной величины, а также небольшие корфы для транспортировки улова.

Вся группа вышла на пирс.

– За тем! – сказал Яох, указывая на корфайдер темно-зеленого цвета.

Имед подался вперед, ведя за собой толпу. Соум и Яох следовали за парнями в ярко-желтых комбинезонах. Пройдя указанный Яохом корфайдер все увидели малоприятное зрелище.

В рыбацкой лодке лежал Колл с широко открытыми глазами уставленными в небо. Его комбинезон и лицо были заляпаны каплями крови. В руках он держал капсулу, как оказалось потом, это была капсула с охлаждающим гелем и жемчужинами внутри. Его губы чуть слышно шевелились.

Все, подошедшие к лодке, остолбенели. Яох начали бубнить какие-то слова, которые напоминали молитвы.

Имед, осмотрев все своим спокойным взглядом, сделал первый шаг к несчастному. Парни с аквафермы помогли ему спуститься в лодку.

Имед, удерживая равновесие на качающиеся лодке, приблизился к лежащему Коллу и заметил, что все его тело пробивает мелкая дрожь, а его губы еле слышно что-то повторяют. Он буквально вырвал из окровавленных рук парня капсулу и передал ее парням на пирс. Имед обернулся к Коллу.

– Колл, проклятый океанский дух, что случилось? – спросил Имед, держа парня за грудки и трясая его. Но Колл не подал никакого знака, а лишь чуть слышно шевелил губами.

Имед обернулся к толпе на пирсе.

– Кажется он находится в шоке или типа того.

– Да он всегда такой, – сказал один из парней, чем вызвал смех у всех его товарищей.

Имед жестом оборвал их смех и вновь приблизился к Коллу, и поднес левое ухо к его сухим губам и услышал повторяющихся два слова:

– Я выжил, я выжил, я выжил...

4. Лимесса. Лигерхальд

Играющие на солнце золотистые таблички Дворца коллегии великих семей, размещенные на огромном камне, приветствовали Икфо, когда он подходил к монументальному зданию. Массивные величественные колонны песочного цвета уходили высоко вверх и где-то там, наверху, встречались крышей. Здание было достоянием лимессианской архитектуры. Огромные треугольные окна перед входом придавали зданию престижный вид и грацию. Фасад здания вселял любому смотрящему на него чувство защищенности и спокойствия. Перед зданием были разбиты клумбы с зелеными кустарниками, которые вскоре должны будут засиять шарами белых цветов.

Место, где находилась Коллегия, на самом деле было парком. Огромное здание в сезон цветения всегда было окружено зелеными кустарниками и деревьями, а все аллеи парка всегда приводили его посетителей к фасаду здания. Но сегодня без зелени оно выглядело как одинокий воин среди серости деревьев.

Перед входом в здание было достаточно много людей, которых Икфо не знал. Люди в официальных агентских костюмах стояли у входа в здание хаотичными кучками. Икфо подошел к массивным дверям из шаккамского дерева и почувствовал, что взгляды окружающих падают на серый кейс с паролем, который он получил от секретаря арраванта. Это вызвало у него тревогу одновременно с чувством величия. Когда он шел к зданию, его внутреннее состояние было беспокойным. Всегда все важные документы арравант передавал ему лично, но сегодня произошло что-то вон выходящее из тех традиций, которые были приняты в Агентстве безопасности.

Он открыл гигантскую массивную дверь и вошел в удивительный по красоте зал. С потолка почти до пола свисала огромная многоярусная люстра, сделанная из разноцветных камней, которые переливались в свете ярких ламп, окутывая холл атмосферой торжественности. Две широкие лестницы вели в главный зал, где должно состояться собрание. На стенах висели большие картины в золотистых оправах с изображениями неизвестных Икфо деятелей или политиков. Пол был сделан из темно-фиолетового камня, который был настолько начищен так, что его глаза шурились от бликов. По правую сторону от него стоял человек, предлагавший фригговые напитки, воду и мелкие закуски. Здесь он увидел уже больше людей, которые носили униформу и ему стало спокойнее. Все они стояли по четверо или по пятеро, улыбаясь друг другу и болтая о своем. Икфо постепенно погружался в праздничную обстановку, забывая о тревожности и о секретном кейсе, который был в его руках.

На левом лестничном марше вверх показался его отец – Дарфо. Это был человек ранней зрелости с приятной сединой и не грубыми морщинами. Икфо практически никогда не видел отца без униформы. В этот вечер на нем был праздничный темно-синий строгий костюм, который очень кстати подходил к интерьеру приемного зала. Правильные черты лица Дарфо и его безупречная осанка придавали ему вид ходячей куклы-героя, которая была практически у каждого ребенка. Движения его были размеренны и немного чопорны, это создавало впечатление, как будто он их специально просчитывает. На левом плече его костюма был погон, сделанный из золотых нитей. На правом плече красовался строгий шип золотистого цвета, увешанный драгоценными камнями, со стороны походивший на пирамиду. От левого погона наискось до правого кармана пиджака висел белоснежного цвета аксельбант, который белой линией пересекала его костюм. Это был отличительный знак высших чинов Агентства безопасности. Стрелки на брюках отца были подчеркнуты серебряной тканевой линией. Отлакированные черные туфли сверкали в бликах цветных отблесков.

Икфо увидел отца и пошел к нему, уверенно поднимаясь по ступеням. Рядом с отцом был его коллега по работе, у которого был подобный костюм, но шип на правом плече был немного поменьше, чем у его отца.

Отец заметил Икфо и повернулся к нему, отвлекаясь от разговора с коллегой.

– А вот и он! – радостно произнес Дарфо. – Еще вчера этот сорванец бегал по улицам Лигерхальда, а теперь он смело шагает по полу Дворца коллегии великих семей.

Икфо расплылся в деланной улыбке. Он подошел к отцу и тот обнял его и постучал заботливо по спине. Затем отец оглядел Икфо с ног до головы и продолжил:

– Икфо, познакомься, это мой приятель по службе Глоу. Мы с ним уже так долго работаем вместе, что стали как родственники.

Глоу был примерно того же возраста, что и отец. Черты его лица были приятными, карие глаза были с искринкой. Он создавал впечатление молодости и буйства, несмотря на строгие рамки его службы.

Они втроем зашли в огромный зал для собраний. Мягкие синие кресла из приятного на ощупь материала стояли рядами. К огромной сцене вели несколько дорожек сквозь зал. На сцене высились четыре позолоченных столба-светильника которые отбрасывали яркий теплый неяркий свет на сцену. На каждом из них виднелись непонятные знаки. Перед ними высилась кафедра с микрофонами. На кафедре был изображен герб Лимессы – четыре вертикальных линии в ряд, наложенные на круг, который отдавал дань четырем семьям-основательницам новой Лимессы. Пол в зале приемов был сделан из самых дорогих шаккамских напольных покрытий. Изящные узоры, которые были изображены на полу, так и манили взгляды всех входящих делегатов. Это было поистине тончайшая работа, которая приводила в восторг.

Они уселись в мягкие кресла. Икфо сидел посередине между отцом и его другом. По залу прокатился первый гулкий сигнал, призывающий делегатов войти в зал. Зал начал постепенно заполняться из всех входов. Гомон усиливался, напоминая жужжание. Делегаты начали нехотя занимать свободные места.

– Первый? – спросил Глоу, указывая на кейс Икфо.

Отец обратил внимание на кейс в руках Икфо.

– Откуда у тебя это? – с удивлением спросил Дарфо.

– Мне передали это от арраванта, – с некой вальяжностью ответил Икфо.

– Я первый раз за свою карьеру вижу, чтобы начинающий агент получал звание с таким не долгим опытом работы.

– Звание? – удивился парень.

– Да, звание. Оно выдается именно в таких кейсах. А какое оно, тебе надо будет посмотреть.

– Но я думал это задание?

– Задание выдается в красных кейсах, – с ухмылкой ответил Глоу и откинулся на спинку кресла.

Отец и его напарник, переглянувшись, рассмеялись. Икфо накрыла волна восторга.

Раздался второй сигнал. Зал начал затихать. Свет в зале постепенно гас, делая из макушек сидящих участников лишь темные силуэты на фоне сцены.

Сначала выступал один из делегатов, который говорил о благоустройстве города. Его послание содержало в себе много статистики, но складывалось впечатление, что Лигерхальд поистине благодатное место. Вслед за ним на сцену вышла женщина, у которой был высокий залиvistый голос, вещавшая о жителях города, о том сколько составил прирост населения, смертность и различные проблемы взрослых и молодежи. После нее на сцене появился высокий человек, говоривший о культурной жизни города – соревнованиях, праздниках и массовых экскурсиях. И он же представил самого значимого человека в городе и во всей Лимессе.

На сцене появился арравант Эйлигер. Аплодисменты заполнили зал, как бурлящий горный поток. Он был традиционной праздничной униформе. Пирамида на его правом плече была куда крупнее, чем у его отца. Он подошел к кафедре. Аплодисменты стихли. Арравант начал говорить ровным и спокойным голосом:

– Я приветствую всех сидящих в зале! Сегодня, в этот праздничный день я хотел бы начать с упоминания личности и поистине великого человека, который после схождения Великого огня смог дать Лимессе и нашему городу новую жизнь. Я хочу от имени всех сидящих, от имени наших предков и потомков выразить Эфо Лигеру нашу память о нем и его деяниях.

Весь зал поднялся. Постояв некоторое время, все вернулись в свои кресла.

– Мы все отдаем дань этому великому человеку, нося части его имени в наших именах. Эфо Лигер это тот, кому мы обязаны нашими жизнями!

Аплодисменты вновь волной прошли по залу. Арравант продолжил:

– А теперь, уважаемые делегаты, я хочу затронуть более важные дела, ради которых мы сегодня, собственно, и собрались. Во-первых, я бы хотел вам сообщить одно прискорбное известие. Буквально несколько парсов назад скончался Волигер.

Весь зал ахнул от столь неожиданной новости.

– Он славно послужил своему делу. В течение нескольких дней мы будем рассматривать новые кандидатуры. А пока мы, я имею в виду Агентство, смогли лишь отправить шкатулки памяти его семье. А те, кто по какой-либо причине это не сделал, прошу сделать это. И сегодня, те молодые агенты, кто с ним работают, сидят уже здесь, в этом зале, и они готовы продолжать его дело и служить во славу Лимессы и ее народа.

Икфо был расстроен новостью о кончине. Он так и не успел поработать с таким выдающимся агентом. Сегодня вечером он будет не только знакомиться с документами и с его новыми компетенциями, но и собирать шкатулку и писать последнее письмо Волигеру.

Шкатулка памяти одна из составных частей обряда погребения в Лимессе. Люди должны были отыскать у себя вещи покойного, то что он им дарил или оставлял, и собрать их все в специальную шкатулку, а затем отправить родственникам покойного, которые будут завершать обряд. После того как шкатулки доставят родным, они должны будут просмотреть их содержимое – в основном это были какие-нибудь брелки, веревочки, значки, фотокарточки и прочая мелочь, и с ними же слова соболезнования. Затем шкатулки сжигали. В Лимессе считалось, что человек не может считаться мертвым, пока не будет уничтожены его вещи, которые он передал другим людям или подарил. Его энергетика и присутствие остается с другими людьми. Это считалось очень плохой приметой. И поэтому сначала уничтожалась розданная усопшим энергетика, оставшаяся на вещах, а потом и сам усопший. Лимессианцы всегда говорили такую поговорку: «Как шкатулка памяти захлопывает навсегда вещи покойного, так энергетика покойного должна схлопнуться вместе с его жизнью».

Эйлигер продолжал говорить все таким же спокойным тоном.

– Также несколько дней назад к нам пришло очень важное сообщение из Шаккама. В письме было указано, что моуласар Садир Руйзуф хочет начать с нами переговоры и восстановить добрососедские отношения, которые были ранее.

По залу пробежала волна негодования. Новость была неожиданной для всех собравшихся.

– Но, не смотря на этот дружественный шаг с их стороны, мы должны быть бдительны, потому что Шаккам еще не вычеркнут из списка причин, по которым произошло схождение Великого огня, превратившего Лимессу в пепел. Я принял решение провести переговоры в Лимессе, но по древним парсианским обычаям. А теперь я обращаюсь к тем агентам, которые будут обслуживать делегацию из Шаккама – будьте бдительны, если вы заподозрите какие-либо интриги или попытки разбалансировать ситуацию в городе, то нужно будет действовать незамедлительно и очень жестко. Но надеюсь наши соседи с юга будут вести себя как этому

подобает здравый смысл. Еще хочу сообщить, что мы должны будем отправить ответную делегацию в Шаккам, как того требуют древние традиции. Сейчас мы решаем, кто в нее будет входить. Приезд состоится через несколько декад, а точнее через три – так было указано в нашем ответном письме, которое, как я надеюсь, в ближайшее время достигнет берегов Шаккама. Поэтому соответствующим отделам прошу начать подготовку. Шаккамская делегация прибудет в Эйзулур. Мы должны будем их встретить там, а затем привезти их в Лигерхальд, где и состоятся переговоры.

Наступила небольшая пауза – арравант искал листы с нужной информацией. Гул шепотков гулял по залу, обсуждая готовящийся приезд.

Арравант продолжил говорить:

– Сегодня утром поступило странное сообщение из Руфаберро. Там двое местных рыбаков выплыли за пиртовые заграждения, видимо, ради наживы, и ловили там клеофаммов.

В зале пошли шепотки, потому что случаи такие были очень часты. Много чудаков хотело быстрой наживы, подначенные рассказами стариков про те времена, когда разбогатеть можно было легко.

– На их лодку напали мантабиры, – голос арраванта заглушил гудение. – Но один из них выжил. Вы думаете они не знали, что за пиртовыми заграждениями находится смертельная опасность? Знали, – с уверенностью произнес арравант, – но почему-то направили лодку именно туда. Сейчас выживший проходит реабилитацию. Мы решили сегодня ночью направить туда наших специалистов, чтобы провести допрос и установить истинные причины происшествия. Почему я говорю причины? Нашими информаторами в Руфаберро было обнаружено несколько странных обстоятельств, которые возможно приведут к правде. У нас уже возникли некоторые мнения по данному случаю. Мы пришли к выводу, что это была не просто прогулка ради наживы.

В зале была гробовая тишина. Раньше тоже были случаи, когда рыбаки выходили в океан и с этим разбирались местные старшины. Но, видимо, в этой вылазке были куда более веские причины, которые заставили арраванта упомянуть это происшествие.

– А теперь прошу вас, уважаемые делегаты, пройти в парк и увидеть очередное праздничное событие – золотой ливень из ллув.

Зажегся яркий свет и суэта быстро охватила зал. Делегаты проскальзывали во все имеющиеся выходы. Когда Икфо с отцом вышли на улицу, то в парке уже было много людей.

Была потрясающая атмосфера. Все делегаты, собравшись в группки делились впечатлениями от выступлений. Кто-то сидел на парковых лавочках, кто-то прогуливался. Солнце играло на асфальте, окнах здания и на лицах всех, кто оказался сейчас здесь. Икфо видел радость на лицах людей, которые ждали прихода этого сезона.

Это началось неожиданно. Южная часть ясного синего лимессиианского неба начала постепенно темнеть. Все стоящие в парке вскинули головы. Миллионы золотистых ллув летели в небе черным облаком. С земли они были вовсе не золотые. Эта темная кишащая туча стремительно надвигалась на Лигерхальд. Жители и гости города затаили дыхание перед тем, как вся эта масса обрушится на город и его окрестности. Вышедшие делегаты перестали разговаривать и стали пристально смотреть на плывущую тучу.

Когда стали падать первые золотые паутинки, все начали аплодировать от счастья, поздравляя друг друга. Это была полнейшая эйфория жителей без каких-либо технологий и спецэффектов. Весь город сотрясали крики радости и смех. В парках по всему городу было множество. Дети и взрослые резвились под падающими с неба лепестками.

Волшебный дождь окончился и гости города тоже стали покидать парки: одни постепенно начали уезжать из Лигерхальда, другие расходились по небольшим ресторанчикам для торжественного ужина.

Икфо, попрощавшись с отцом, пошел к молистиновым трубам, чтобы поскорее вернуться домой. Прогулки по парку с делегатами, рассматривание золотых паутинок, затем небольшой банкет в честь начала сезона Цветения и новые знакомства сильно утомили его. Сегодня было столько знакомств, что он не то что имена не запомнил, но и лица. Отец его водил от одной кампании к другой, и всем высокопоставленным лицам его представлял, все время указывая на серый кейс, который Икфо носил весь день. Конечно, в эти моменты он был в возвышенном состоянии духа, но в основном все застолье было сплошной толчеей.

Идя к молистиновым трубам через парк с его голыми деревьями и кустарниками, Икфо увидел висевшие золотые паутинки, которые через несколько дней распадутся на мелкие частички. Идя и пиная золотые ллувы, он вышел из парка и пошел к ближайшей станции. Солнце рассеивало по городу свои предзакатные лучи, отражаясь в стеклах высоких домов. Он был настолько уставшим, что в его голове не было никаких мыслей, но несмотря на усталость, он шел с прямой спиной и гордо держа голову.

Сойдя на своей станции, он быстрым шагом направился к дому. Серый кейс, находясь практически весь день в его правой руке, став ее продолжением. Быстрый лифт доставил его на нужный уровень, где находились его апартаменты.

Войдя в квартиру, он хотел было сразу дойти до кровати и провалиться в сон, но его взгляд упал на серый кейс, который сразу же придал ясности в его усталый вид. Сняв туфли, он прошел на кухню для просмотра его содержимого. Сев за круглый стол, он осторожно положил кейс перед собой и ввел пароль. Паролем был его личный код в агентстве: «74922».

Раздался щелчок и Икфо с легкостью открыл кейс. Внутри находился конверт с документами. Открыв конверт, он достал бумагу с эмблемой Агентства безопасности. В документе было написано, что теперь Икфо Долигер отстраняется от работы с документами и назначается на должность дежурного агента по безопасности. Это значило, что с этого вечера он становится активным агентом и будет работать на местах преступлений, а также часто ездить в командировки по всей Лимессе. Прочитав все содержимое документа, он еще глубже понимал, что его призвание – это служба на благо его народа, на благо безопасности, на благо Лимессы.

Положив листок в конверт, он уже было направился в спальню, но какое-то внутреннее чувство задержало его и он снова взялся за конверт, вновь проверяя его содержимое. Вынув бумагу с его повышением, он увидел, что на дне конверта лежит небольшой красный сверток бумаги. Он отложил бумагу с конвертом и стал раскрывать загадочный сверток. По мере того, как он стал читать информацию, его глаза открывались все шире.

Текст красного письма гласил:

Икофо Долигер!

Хочу еще раз поздравить с твоим повышением и пожелать тебе успехов в этом направлении. Однако события в Руфаберро серьезно заинтересовали нас. Поэтому я направляю тебя туда для выяснения всех обстоятельств и сбора всех улик, которые вы сумеете найти.

Завтра рано утром возле твоего дома тебя будет ждать наш агент, с которым вы отправитесь в пункт назначения.

Будь готов!

Удачи!

Арравант Эйлигер.

Икфо был немного выбит из колеи. Такие задания он получал впервые и сразу такое ответственное дело.

Ошеломленный, он пошел в спальню, чтобы собрать сумку и хоть немного поспать. После того как вещи были собраны, он завел будильник на очень раннее время. Завтра должен быть

трудный день. Однако, когда его голова коснулась подушки, то сон как рукой сняло. В голову лезла куча вопросов. Что там такого в этом Руфаберро? Почему едет именно он, ведь в Агентстве достаточно много опытных сотрудников? Или же этим делом его хотят проверить? Так же ему в голову пришел еще один вопрос: почему семей основателей новой Лимессы он знал всего три, а флаг содержал четыре линии вертикальных линии? Значит семей было не три? Тогда где еще одна? И почему о ней он никогда не слышал?

Еще с десяток вопросов крутилось в его голове, прежде чем он уснул.

5. Лимесса. Руфаберро

Ночной бриз приносил с собой прохладу. Солнце уже давно было за горизонтом и лишь немногие его лучи оранжево-огненным светом обрамляли морской бескрайний горизонт. Где-то в городке продолжалось веселое пение и танцы, которое доносилось до берега – люди радовались приходу Ювы. С берега городок горел яркими огнями, создавая атмосферу тепла и уюта в этой местности с ее скудной растительностью. Где-то вдалеке слышалось пение и смех.

Недалеко от берега океана, на желтом песке в свете костра друг на против друга сидели две фигуры – Соум и Имед. В костре потрескивали поленья, вспыхивая и выплескивая в темноту облачки искр. Шум вечерних волн нежно переплетался с легким ветром. Имед и Соум сидели возле костра, закутанные в шерстяные пледы. Рядом с каждым в песке стояло по литровой термкружке с фригтовым напитком.

– Мда, – протянул Соум, – странный все же этот Колл! И чего его понесло в такую рань в океан? Не пойму... – Соум говорил монотонным голосом, смотря пристальным затуманенным взглядом на костер.

– Он до недавнего времени был нормальным парнем. Потом он связался с дурной кампанией, и началось... – поддержал беседу Имед, потягивая напиток. – Его родители часто обращались ко мне по поводу пропажи своего сыночка.

– И где его находили?

– Да нигде, – рассмеялся в ответ Имед. – Мы рыскали по окрестностям и на лодках прочесывали побережье, естественно с его родителями. Ничего. А потом Коул, как заблудший пес возвращался домой. Когда у него спрашивали, где он был, тот отвечал, что-то в духе сумасшедшего путешественника: «Я был в подземных туннелях» или «Я слышал, как земля разговаривала со мной», – две последние фразы Имед произнес голосом испуганного Колла, чем вызвал смех племянника.

Просмеявшись, их беседа провалилась в неловкую тишину.

– И все же, мир стал жить совсем по-другому после схождения Великого огня. И странно, что за столько циклов после этого события никто даже не нашел его причину? – Соум отвел глаза от костра и вопросительно посмотрел на дядю.

– Схождение Великого огня – это великая тайна. По крайней мере, так говорят во всех школах.

– Дядя, а как ты это видишь?

– В мою молодость разговоры о Великом огне были сильно табуированы обществом, потому что в Лимессе было только несколько дней в цикле, когда можно было официально говорить на эту тему открыто. В дни скорби. Но, не смотря на моральный запрет, все равно продолжались разговоры об этом. Создавалось множество подпольных закрытых обществ, которые обсуждали это событие, которые писали статьи, якобы разоблачающие действия Шаккама, синдром Йиргона, движение Газзалакса и его влияние на появление огня, сакральность Великих гор и еще множество всего. И многое из написанного граничило с вымыслами и мифами. В общем все развлекались как могли и как могли искали правду. Но до сих пор ответа нет. Много экспедиций было направлено на хребет Гаримида, но ни одной не удалось найти истину и принести ее людям.

– А что за синдром Йиргона?

– Обычно мы называем ее синекожесть.

– А! – протянул Соум и отпил напиток.

– Йиргон был первый человек, который заболел этим недугом. Это был ученый из маленького городка Блазалан, что близ Эйзулора. В своем «Трактате о синем солнце» он писал, что он начал покрываться синими пятнами именно в ход Чиэвы – ход синего солнца. Он каждый

день описывал свои состояния будучи больным. Но, как ты знаешь, по легенде, когда только заканчивался ход синего солнца люди умирали. Солнце как бы подпитывало больных.

– И ты читал его?

– Не читал, но много слышал. Говорят, что книга пропала после его смерти. Но люди все-таки передают друг другу информацию, несмотря на утери или запреты. Я слышал, что человек, покрываясь синими светящимися пятнами, абсолютно не нуждается во сне, его работоспособность увеличивается в разы. Человек становился настолько сильным и быстрым, что мог поднимать титанические тяжести и быстро пробегать огромные дистанции. Его умственные способности становятся в разы сильнее, то есть человек мог вспомнить всю прожитую жизнь в каждом ее моменте, а также запоминать огромные массивы информации. Он трансформируется в некоторое существо, которое некоторые люди называют полубогом. А когда проходит ход синего солнца, человек умирает, как бы платя жизнью за те сверх силы, которыми обладал. Говорят, что после смерти тело еще светится какое-то время, а потом синие пятна гаснут и тело начинает очень быстро разлагаться. – Имед поднял вверх указательный палец. – И даже кости.

– Что-то я не припомню, чтобы на моей памяти кто-то болел синекожестью, – нахмутив брови, сказал Соум.

– Я тоже, – согласился дядя, – но в молодости слышал, что кто-то подхватил эту хворь, хотя, возможно, это был просто слух.

– Дядя, а мог ли причиной схождения стать Шаккам?

– Я думаю, что нет.

– Но почему? – резко возразил Соум. – Ведь Шаккам не пострадал.

– В то время многие шаккамские торговцы и специалисты жили в Лимессе. Некоторые районы городов были заселены торговцами и дельцами из Шаккама. Тогда был период расцвета торговли, культурного обмена, политического взаимодействия. Было много шаккамцев, которые вели проповеди, призывая вступить на служение в тот или иной культ. Также много лимессианцев жило в Шаккаме, примерно около миллиона, они строили свои дома, растили детей, работали. На тот период, я имею ввиду перед схождением, в Лимессе проживало около двух миллионов шаккамских подданных. Как ты думаешь хотел ли Шаккам намеренно убивать своих жителей и рушить все политически и торговые связи? – Имед сделал недолгую паузу. – После схождения, шаккамские купцы, увидев с кораблей, что Лимесса выгорела дотла, что на тысячи парсанов нет ни единой постройки и живого дерева, повезли весть о том, что в Лимессе случилась война. Так им думалось. Они также сказали, что все торговые содружества были уничтожены и что прибыли от торговых маршрутов более не видать. Тогда же они передали, что все шаккамские подданные были убиты, точнее не найдены на много парсанов от берега. Ответ Шаккама был быстрым. Уже через непродолжительное время в Лимессу прибыла шаккамская армия, которая так же в течение одного индикта не нашла ни единого врага на нашей территории. Позже многие лимессианцы, те которые жили в Шаккаме, приезжали сюда после катастрофы, пытаясь найти выживших родственников и друзей, но все никаких находок не было.

– Очень странно, – проговорил словно в трансе Соум, вперив взгляд в костер.

Он хотел задать еще уточняющие вопросы, но дядей было многое сказано для обдумывания.

Повисло молчание. Поленья в костре продолжали потрескивать. Крошечные искорки взлетали в воздух и исчезали в темноте. На небе были звезды и луны, каждая из которой светила по-своему. Имед смотрел на Соума в свете костра. И даже при его свете бледнокожесть Соума не могла сгладиться. Всем родственникам много лет казалось, что он не здоров, но позже все смирились.

Помня Соума с малых лет, Имед видел в нем какого-то закрытого, постоянно думающего мальчика, который для своих лет задавал взрослым достаточно умные вопросы. И сейчас, будучи уже взрослым, он так же продолжал задавать вопросы, докапываясь до сути проблемы.

Имед истинно полагал, что Соум нашел прекрасную работу – хранение и защита информации. В информационных технологиях он был как рыба в воде. По словам Соума последние разработки в сфере хранения информации были связаны с кристаллом Лиссана, который был найден индикт назад. Кристалл Лиссана был в форме продолговатого восьмигранника из камня редкой породы ярко зеленого цвета – нимирида, – на который ученому Лиссану удалось впервые записать, а затем считать информацию. Главную роль играл не сам камень, а пурпурные жилы, на которые и шла запись данных через световой пучок. Соум работал над свойствами пурпурных жил, а точнее над возможностью их замены новыми материалами. Но сколько ученые не бились над этим, все равно пурпурные жилы нимирада сохраняют огромное количество информации.

– Все равно в этом что-то есть, – сказал Соум, переводя взгляд с пламени костра на дядю.

– До сих пор никто не дал четкого ответа, несмотря на столькие усилия, догадки, поиски ключей и историй...

Беседу прервал идущий силуэт со стороны городка. Имед смотрел на приближавшегося. Судя по очертаниям это был мужчина. Когда фигура оставалось до костра шагов десять, Имед узнал его и произнес:

– Фауб, все уже закончилось?

Высокий мужчина с острым носом и лысеющей головой, в праздничном черном костюме остановился в нескольких шагах от костра. Соум сегодня на празднике уже видел этого человека, но не был с ним знаком. На худом теле костюм выглядел неряшливо. Длинные пальцы на длинных руках выглядели неестественно.

– Я извиняюсь, что прервал вашу беседу, – заговорил Фауб неуверенным гнусавым голосом, – но у меня важные новости.

– Говори, – четко сказал Имед.

Фауб недоверчиво посмотрел на Соума.

– При нем можно, – разрешил Имед.

– В общем у нас завтра будут гости, – осторожно сказал Фауб.

– Кто?

– Агенты с Лигерхальда.

Имед медленно отвел взгляд от человека на горящие поленья.

– И что они тут забыли? – Имед риторически обратился к пламени.

– Будет допрос? – осторожно спросил Фауб.

– Да. – Имед взглянул на Фауба. – И не только этого умалишенного Колла, но и нас тоже. Это же долбаный Лигерхальд с его псами-агентами. – Имед был в ярости. Долговязый Фауб казалось не выражал ни страха, ни сожаления. Имед вновь уставился на огонь. – Я завтра должен быть на празднике с моими жителями, а не рассказывать байки лигерам про этого дебила-лодочника.

По Фаубу было видно, что он не знал как реагировать на эту ситуацию. Он просто молчал.

Соум знал почему реакция дяди на приезд агентов именно такая. Как-то раз несколько циклов назад, когда Соум в очередной раз был у дяди в гостях, агенты с Лигерхальда пожаловали в Руфаберро ранним утром. Об их визите Имед, конечно же, не знал. Соум помнил, как агенты ворвались в дом Имеды ранним утром и буквально выволокли его и дядю на улицу в спальном белье для опроса по делу об убийстве молодой семьи. Тогда дядя находился в таком гневе, что он ударил одного из агентов за какое-то незначительное замечание в его адрес. И хотя дядя не старался попасть ему в лицо, но ключица, все таки, у служителя порядка была сломана. За это дяде устроили двухдневный допрос и заставили писать множество извинений в адрес

пострадавшего и Агентства в целом. Однако как заметил Соум, после одного покалеченного агенты стали обращаться к дяде более уважительно.

– А где сейчас наш любитель ночной рыбалки? – спросил Имед.

– Он сейчас находится в оздоровительной палате, с ним работают врачи. – Речь Фауба звучала ровно и четко.

– Завтра с утра его ко мне в кабинет.

– Будет сделано.

Имед все также глядел на костер. Соум смотрел в сторону океана, ловя лицом соленый ветерок. Фауб был в неловком положении: то ли ему ждать продолжение разговора, то ли идти.

– Ну, я пойду? – осторожно спросил Фауб.

– Конечно, Фауб, конечно.

Долговязый Фауб зашагал большими шагами в сторону цветных фонариков.

Имед был немного на взводе. Это ощущалось так, как будто воздух вокруг него дрожал и рыл, готовый обрушиться на того, кто посмеет хотя бы посмотреть в его сторону.

– Дядя, может пойдем? – спросил Соум, закутываясь в плед.

– Да, пожалуй, – сказал Имед и начал засыпать песком костер.

Они шли медленно в сторону городка, укутавшись в пледы и держа пустые кружки из-под фригговского напитка. Шум северных холодных океанских волн подгонял их неторопливые шаги. Их ноги вязли в песке.

– Соум, как тебе праздник?

– Мне понравился, особенно северные песни и застолье.

– И все?

– Ну, – помедлил Соум, – еда была тоже вкусная.

– Эх, Соум! Ты даже не заметил, как на тебя смотрела та девица в синем платье?

– Дочь рыбака?

– Ну, конечно. Она наблюдала за каждым твоим шагом, следила за тобой, как хищная птица за полевым грызуном.

– Странно. Я даже не заметил.

– Ты еще молодой! Сила Ирувар только зарождается в тебе, – со смехом ответил Имед.

Лунный свет поглотил большую часть спальни большим бледно-голубым прямоугольником через окно в потолке. Сам же хозяин дома в спальном костюме сидел за письменным столом, освещенным настольной лампой, и просматривал отчет Фауба о ночном происшествии. Вроде не было ничего необычного. Имед добрался до последней страницы отчета. На ней был список из обнаруженных предметов, которые были в лодке: металлические ножницы, сосуд с охлаждающим гелем полный горячих жемчужин, сачок, две пары перчаток и непонятный предмет цилиндрической формы.

– Интересно, – произнес вслух Имед.

Он знал, что копия этого отчета была отправлена в Лигерхальд еще утром, но Имед только сейчас добрался до нее, так как был занят праздником. Он помнил, что уже были подобные случаи с рыбаками, но агенты не приезжали с расследованиями и дознаниями. Видимо этот предмет их заинтересовал. Что же в нем такое?

Но это было не его дело. Его дело было проведение праздника Цветения, чтобы все шло гладко и, чтобы все были довольны. Остальное его не интересовало. Тем более завтра агенты скажут, что это за штуковина.

Уже была глубокая ночь, Соум уже давно спал. Имед выключил настольную лампу и, пройдя освещенную лунами комнату к темному уголку, где стояла кровать, улегся в мягкую постель. Он воспринимал случай с рыбаком, как незначительное происшествие, ведь главное был народ Руфаберро, который завтра продолжит праздновать.

6. Лимесса. Лигерхальд

Сон Икфо был настолько глубок, что очнувшись от будильника, он не мог вспомнить, что ему снилось. В темноте, усевшись на край кровати, он посмотрел в огромное окно на панораму города, которая горела огнями на многие парсаны. Ему необычайно нравился этот вид. Он вселял в него стабильность и заряжал его энергетикой – определенным ритмом, – который делал его более эффективным на службе.

Он привел себя в норму, быстро оделся, захватил собранную сумку с вещами и вышел на улицу.

Вдохнув ранний утренний воздух, он поднял голову в небо. Оно было усеяно мириадами звезд. Луны уже скатывались к горизонту. Он стоял на улице в полной тишине, окидывая взглядом соседние дома и, вдалеке горящие желтым, молистиновые трубы. Слева был виден огромный жилой комплекс с тридцатью жилыми уровнями, справа – ограда и металлические ворота, ведущие в городской сад. Разбросанные фонарные столбы освещали ярким холодным светом ночной мрак на площади перед домом.

Вдруг послышались шаги. Икфо повернулся в сторону монотонных цокающих звуков. Со стороны жилого комплекса шел человек с сумкой. По мере приближения Икфо все отчетливее распознавал униформу агентства на идущем к нему человеке.

– Икфо? Я прав? – на ходу спросил незнакомец.

– Так точно.

– Меня зовут... Можно Долаф, – приветливо сказал агент и остановился возле Икфо, опустив сумку на землю. – Сразу убрал это окончание «фо», потому что мое имя звучит как-то не очень красиво.

– Рад знакомству, Долаф, – ответил Икфо улыбаясь, хотя улыбка спросонья давалась ему нелегко.

Парень был среднего роста, с атлетическим телосложением и короткой прической. Судя по отличительным знакам на его форме, Долаф был такого же чина как и Икфо. Парень говорил очень живо, несмотря на ранний час.

– Ты готов к путешествию на край континента? Ни разу там не был. Думаю, это будет захватывающе.

Долаф поднял сумку с земли, сделав знак того, что надо идти. Икфо последовал его примеру. Оба зашагали по площади в сторону молистиновых труб, пересекая островки света под фонарями.

– Бывал в Руфаберро? – спросил Долаф.

– Не был.

– Я тоже. Но много слышал об этом городке. У меня бабушка была оттуда.

– У тебя там остались родственники?

– Нет. Бабушка в свое время переехала в Лигерхальд, а затем перевезла и своих родителей.

– Если по-хорошему разобраться, то мы все потомки приезжих.

– Это точно.

– Слушай, Долаф, мы же к вечеру уже вернемся в Лигерхальд?

– Надейся! – с ухмылкой произнес Долаф. – С нами поедет Лифион, и это может затянуться на несколько дней.

Они подошли к транспортным трубам к панели вызова пассажирской капсулы. Икфо нажал на кнопку вызова. Буквально через мгновение транспортная капсула отворила свои двери для агентов. Усевшись на жестковатые сиденья, Долаф потянулся к панели, закреплен-

ной на подлокотнике и выбрал место назначения: «ТРАНСПОРТНЫЙ КЛАСТЕР». Пассажирская капсула плавно тронулась и начала стремительно набирать скорость.

– А кто такой Лифион? – поинтересовался Икфо.

– Это экль.

– Кто?

– У него врожденная способность видеть поступки людей, посмотрев им в глаза. Агентству нужны такие люди для допросов. Говорят, он заглядывает прямо в душу. Прямо в сердце. – Долаф ткнул себя пальцем в грудь. – Никому еще не удавалось соврать ему.

– Первый раз слышу, – ответил с удивлением Икфо.

Пассажирская капсула несла их над спящим городом, над многочисленными огнями фонарей и подсветок.

– Мы с ним были несколько дней назад в Эйзулуре. Работали по линии культов и тех организаций, которые занимаются всякой мистикой, божествами и обрядами. Ну в общем ты понял.

– Восьмилунники?

– И эти тоже. Так вот, Лифион с ними работал с утра до ночи. Он совсем не спал. Он все делал настолько скрупулезно, что сами служители уже начали жаловаться мне на него, что он нарушает их распорядок, не дает работать с прихожанами и так далее. Но несмотря на их жалобы, Лифиона не удалось поторопить. Он спокойно доделал свою работу, и только тогда мы вернулись в Лигерхальд.

– А почему у него такое имя? Он не с агентства? – для Икфо было очень странно слышать такое имя.

– Еще как с агентства. То что я слышал о нем, так это, что его нашли в какой-то деревне близ великих гор. Говорят, он был словно загнанный зверь – всего боялся. Он обрел силу и видел в людях все: все их секреты и намерения. Затем его привезли в Лигерхальд, где он начал вставать на ноги и приносить пользу.

– Я не знал.

– Я тоже. До вчерашнего дня.

– А тебя давно повесили?

– Недавно.

– А меня вчера.

– Seriously? И сразу отправили на задание?

– Угу, – скрывая гордость, ответил Икфо.

– Значит на тебя возлагают большие надежды, – с некой завистью в голосе сказал Долаф.

Пассажирская капсула несла их с огромной скоростью по молистиновой трубе, то лавируя между зданий, то поднимаясь вверх, то пикируя. В капсуле нагрузка от быстрой езды практически не ощущалась. После очередного резкого спуска капсула взмыла вверх, вынося пассажиров на впечатляющий панорамный обзор реки Сагрены. Свет огней города бликами играл на темных волнах. Транспортный порт был как на ладони. Он представлялся как скопление ярких огней в форме овала, половина которого находилась на самой реке – там была стоянка водного транспорта.

Капсула вновь понеслась в низ. На панели показалось сообщение, извещающая о пункте назначения.

Когда они покинули транспортную трубу их обдало речной сыростью с запахом рыбы и ила. Сонное состояние обоих выветрилось в одно мгновение. Тут было существенно прохладней, нежели у его дома. Из рта шел пар. Издалека доносились металлические звуки работы портовых кранов, которые круглосуточно обслуживали грузовые суда. Река поистине была великой. Огни судов точками плыли по глади.

– Вот она – мать Сагрена! – сказал Долаф с явным восхищением.

– Не каждый день здесь бываешь, – подытожил Икфо.

Они прошли через охранную зону и вышли в набережную, от которой в реку ровными рядами выходили пристани. Набережную холодным светом освещали фонари. Долаф достал из кармана пиджака сверток бумаги и прочел:

– Пристань «Л-86».

Они пошли вдоль набережной.

– Ты знаешь, – сказал Долаф, смотря на ночную речную гладь, – мне всю чаще кажется, что наше руководство сдает позиции.

– Почему? – удивленно спросил Икфо. Он знал, что если бы в агентстве что-то шло не так, то его отец бы сказал ему об этом.

– Я начинаю замечать, что арравант начинает упускать важные моменты. Например, с Даргалионом. Вся Лимесса уже знает, что ученые изобретают больше, чем предоставляют на самом деле. Мы бы могли продавать больше и, соответственно, жить лучше. Нужно хорошо проверять Даргалионские индустриальные парки, мне кажется там будет много чего интересного.

Икфо не знал, что ответить. Он даже не допускал себе думать о Даргалионе, потому что он там ни разу не был.

Табличка «Л-86» постепенно приближалась к агентам. Добравшись до нужного пирса, они остановились. В воздухе начал ощущаться легкий ветерок. Это был знак того, что вскоре начнет светать и на горизонте будет появляться гигант Газзалакс. Еле видимый пар вырывался из рта обоих и быстро исчезал в воздухе.

– Ты когда-нибудь гонял на астагеме? – спросил Долаф, потирая руки друг о друга, пытаясь согреть.

– Не приходилось, – холодно отозвался Икфо.

– Я тоже. В детстве, когда их только поставили из Даргалиона множество детей хотелось покататься на нем. Сейчас же астагемы это мощные скоростные суда, которые могут Лимессу – от гор до океана – преодолеть за день. Одним словом – безумство.

– Я думаю, что мы доживем до того времени, когда астагемы будут ходить по океану. Но сейчас это только сугубо речное изобретение. Многие уже подумывают...

Их разговор прервал искусственный кашель – оба, словно маленькие дети в момент испуга, вздрогнули. Он подошел так незаметно, что даже Икфо с его, как ему казалось, отменным слухом не смог услышать даже шума шагов. Они обернулись и увидели гладковыбритого человека в черном плаще. Его лысая голова была настолько гладка, что отражала падающий на нее свет фонарей. Его большие глаза имели тяжелый взгляд. Икфо внимательно, за доли секунды, осмотрел его лицо – у человека не было ни бровей, ни ресниц. Казалось что он какой-то иноземец, потому людей такой внешности Икфо не встречал. Его глаза казались очень странными. На нем был черный плащ в пол. В правой руке он крепко сжимал сумку с личными вещами.

– Ну ты даешь, Лифион! Я от страха чуть новый священный огонь не вызвал! – возбужденно сказал Долаф.

Через доли мгновения Икфо уже во всю ухахатывался. На лице Лифиона заиграла легкая деланная улыбка.

Посмеявшись от души, Икфо протянул ладонь, а Лифион двумя пальцами – средним и указательным – прочертил на его руке черту от запястья до кончиков пальцев. После этого Икфо сжал ладонь в кулак. Этот жест означал знакомство с уважаемым человеком. Проведение пальцами по ладони считалось важным ритуалом. Это значило, что проводящий пальцами человек готов какое-то время быть в жизни другого человека, пройти с ним какой-нибудь этап.

– Я Икфо.

– Лифион, – сказал выбритый человек ровным и четким голосом.

Его голос был вполне обычным, но для Икфо казалось, что он им пользуется нечасто.

Металлическо-каменный звук раздался из кармана Лифиона, Икфо понял, что это гремели ключи. Гладковыбритый достал руку связку из кармана и показал направление. Все втроем двинулись по пирсу к нужному астагему. Лифион шел впереди, а Икфо и Долаф следовали позади.

– Я же тебе говорил, что он странный, – полушепотом проговорил Долаф. – Сколько я его знаю, он ведет себя так всегда.

Вскоре Лифион остановился напротив пришвартованного судна. Астагем был в безупречном состоянии – конусовидный корпус был в цвет полированного металла, в темных ветровых окнах отражалась стоящая троица, огни пирса и полумрак; на закрылках и люке сквозь сумеречный свет были видны гербы Лигерхальда – и трезубчатый герб агентства. Астагем внушал вид мощного быстроходного судна, от которого у Икфо и Долафа по лицу пробежало изумление. В задней части астагема располагалась мощная турбина, которая даже без всяких догадок, снимала все вопросы о скорости судна.

Лифион жестом руки указал направление на посадку. Долаф и Икфо пошли очень осторожно по маленькому навесному мосту к астагему, который раскачивался во все стороны.

– Поторопитесь, – послышался голос Лифиона позади, – нам нужно отплыть до появления Газзалакса.

Икфо и Долаф добрались до астагама. Они стояли на маленьком борту, уставившись на Лифиона, ожидая что он также как и они будет медленно идти по мостику. Но их ожидания не оправдались. Лифион прошел по мостику, словно человек прогуливающийся по парку.

Он вступил на борт, достал ключ и приставил его к замку. Механизм в люке ответил жужжанием и он отъехал в бок. Все трое вошли в кабину. Несмотря на то, что на улице было прохладно, внутри было довольно тепло. Волна теплого воздуха обдала их лица. В кабине был полумрак. Единственный свет приникал с лобовых стекол, придавая лишь примерные очертания приборной панели и креслу, которое предназначалось для капитана. Лифион, оставив сумку возле люка, прошел вперед и воткнул ключ куда-то в панель. Приборная панель загорелась огнями и подсветками. Прямо напротив водительского кресла, приделанный к приборной панели, виднелся штурвал. Лифион нажал кнопку, светящуюся желтым, и холодный синеватый свет залил кабину.

Все огляделись. В кабине, помимо приборной панели и кресла штурмана, было еще четыре удобных кресла для пассажиров, стоявшие в два ряда. За креслами находился стол, встроенный в заднюю стенку кабины. На столешнице стояли закрытые металлические ящики, а внизу были расположены ряды выдвижных шкафчиков. Возле рядов кресел, в стенках кабины были вмонтированы спасательные наборы, на случай непредвиденных ситуаций.

– Чего ждете? – спросил Лифион, стоя за приборной панелью. – Располагайтесь.

Усевшись в мягкие кресла, Икфо и Долаф выжидали момент старта. Лифион вышел на борт, чтобы открепить мостик и пирсовые узлы. Парни не произносили ни звука, все их внимание было направлено на Лифиона, хлопочущего проеме люка. Возвратившись, он кружил над панелью управления – нажимал кнопки, проверяя все системы астагема, и закрыл люк небольшой красной кнопкой. Через некоторое время двигатели заработали под ногами сидящих. Астагем охватило еле ощутимой дрожью. Судно начало медленно двигаться назад, отплывая от пирса. Когда пирс отдалился, Лифион подошел к своей сумке и достал из нее ключ, напоминавший звезду. По-видимому, это был настоящий ключ. С ним он вернулся к штурвалу. На панели он откинул защитную крышку, оголив гнездо. Как только ключ вошел в гнездо, турбина сразу же начала гудеть и разгоняться.

– Это прогрев, – сказал Лифион, усаживаясь в кресло напортив штурвала.

Когда турбина разогналась до свиста, Лифион нажал красную кнопку возле штурвала. Астагаем начал постепенно подниматься над водами Сагрены. Свист турбины начал возрастать и быстроходное судно начало постепенно набирать скорость.

Спустя некоторое время, астагаем мчался над поверхностью Сагрены с огромной скоростью. Лигерхальд остался далеко позади. Икфо и Долаф спали в мягких креслах кабины, а Лифион вел астагаем бесстрашно глядя вдаль, где над горизонтом поднимался песочный диск Газзалакса.

7. Лимесса. Эйзулур

Предрассветную тишину над Эйзулуrom взорвали ровные металлические удары. Это был сигнал для верующих спешить на утреннюю молитву в Энндуару – огромный храм в центральной части города.

Город с его развитой портовой инфраструктурой начал постепенно просыпаться. Торговые дома, рынки, портовые краны лениво начинали свою работу. Утренний морской ветерок гулял по еще спящим улицам, разнося запах рыбы и сырости.

Из домов начали выходить люди в бежевых балахонах. У каждого на груди была нашивка – полукруг, на контуре которого были расположены восемь кружков, олицетворявших луны. Каждый верующий быстрым шагом направлялся на утреннюю службу в самый большой по величине храм Лимессы. Это было строение, которое потрясало своими размерами – в нем могли одновременно находиться до ста тысяч прихожан. Энндуара представлял собой огромный храмовый комплекс с восемью башнями, расположенными по кругу. От каждой башни шли переходы, которые сливались в еще одну огромную башню находящуюся в центре. Храм Восьми Лун, как еще называли Энндуару, был словно корона на карте города.

Прихожане начали постепенно заполнять башни. Под их сводами висели фонарики, спускающие свой холодный синеватый свет на головы всех пришедших. На стенах храма были изображены события схождения Великого огня – руины городов, горящие люди, зарева пожаров, кипящие озера, – что вводило всех прихожан в состояния грусти и скорби.

Начало молитвы обозначал зов труб внутри храма. После гудения все застывали и опускали головы вниз. В священной Книге Лун было записано, что каждый прихожанин должен тратить часть своего дня на воспоминание того страшного события, тех людей и той страны, которых больше нет.

В башнях храма стояла идеальная святая тишина.

В подвальном помещении под главной башней находилась комната для встреч с хоширом храма Восьми Лун. Комната представляла собой овал, в центре которого находилось возвышение, на котором стояло кресло. Перед возвышением тянулся длинный стол для переговоров. На столе стояли два светильника-шара, излучавшие мягкий приглушенный свет, на которых был изображен символ культа. Полки с древними фолиантами выступали в роли стен. Комнату заполнял древесный запах – самый дорогой из ароматов Лимессы.

Хошир Маададь сидел в кресле, перебирая в руках лунные камни. Хотя эти камешки имели обычную форму и были ничем не примечательны, но все же они напоминали ему о детстве. Бесконечные пляжи Шаккама из золотистого песка. Шум теплого моря. Щебетание экзотических птиц. Постоянное тепло шаккамского солнца. В голову приходили картины, когда он вместе с друзьями уходили на целый день на пляж собирать ракушки и водоросли, которые были выброшены на берег. Потом они продавали их на местном рынке и деньги делили между собой. Это было беззаботное и благостное время. А теперь он здесь в Лимессе, где вместо пляжей каменные обрывы, а солнце греет не таким теплым светом, как в Шаккаме. Тепло и родные края были променяны на власть. Хотя у власти есть свои привлекательные стороны.

На голове хошира был символический головной убор – восемь кругов из светящегося металла, пронизанные полукругом, закрепленные на толстом стержне, выходившем из полукруглого цилиндрического центра, который создавал вид короны. Его белые свободные одежды стелились на нем словно воды быстрой реки.

Вдруг механизмы входной двери загудели – Маададь вернулся к реальности. В комнату вошла статная женщина в кристально белой мантии в пол. Ее русые прямые волосы ровно ложились на плечи. Лицо ее было идеально ухожено. Она прошла от входной двери через всю комнату и подошла к креслу хошира.

– Почему так долго? – спросил хошир ровным голосом, не поднимая глаз.

Ее красивое лицо не выдавало ни единой эмоции.

– Я смотрела начало утреннего служения. Наш новый болано прекрасно справляется со своими обязанностями.

Она подошла к шкафу, где стояли различные травяные шаккамские напитки. Недолго думая, она налила себе кубок гартезэ. У гартезэ был терпкий аромат, несмотря на цветочное послевкусие, что нравилось многим служителям Энндуары.

– Я и без тебя знаю, что новый болано прекрасный оратор. Ягрит, ты должна была быть здесь в то время, какое было обговорено, – настоятельным тоном ответил хошир, перекладывая лунные камни в другую ладонь. – Я не хочу, чтобы по Энндуаре ходили слухи о том, что ты влияешь на мои решения.

Ягрит вернулась к длинному столу переговоров и, выдвинув из-под него кресло, плавно села в него.

– Я понимаю твою обеспокоенность в свете последних событий, мой хошир.

Маададь поднял на нее глаза.

– Несмотря на то, что ты моя жена, я все равно должен контролировать все, я все равно должен следить за исполнением всех обязательств. Если я не буду этого делать, то все, что Храм создавал здесь в Лимессе, все – прахом падет.

Ягрит сделала два глотка гартезэ и отставила стакан.

– Я тебя прекрасно понимаю, – сказала женщина ровным голосом.

Маададь переложил камни в другую ладонь.

– Где Фудо?

– Я не знаю.

– Он должен быть уже здесь. – В голосе Маадаля чувствовалось раздражение.

Не успел он договорить, как вновь зажужжали дверные механизмы. В комнату вошел Фудо – хранитель ключей. Ключник был среднего роста с сильными руками и пронзительным взглядом. Фудо был как раз вовремя. Он прошел через комнату к креслу хошира.

– Мой хошир! – преклонив голову, произнес Фудо.

– Здравствуй, Фудо! Присаживайся! – Жестом руки хошир показал на кресло напротив Ягрит.

Фудо обошел длинный стол для переговоров и сел напротив Ягрит.

Маададь положил лунные камни в скрытый карман мантии и посмотрел на сидящих перед ним.

– Вы сегодня опоздали! Вы нарушили дисциплину! Я этого не могу допустить в столь беспокойные времена.

Ровный и четкий голос хошира заполнял все пространство комнаты. Он сделал небольшую паузу и вновь продолжил.

– Я запланировал с вами встречу до Совета Десяти, но вы посчитали мой наказ не важным. Из-за вас мое расписание нарушено. В следующий раз я буду более строг к вам.

– Мой хошир, вы же прекрасно понимаете какие обязанности у хранителя ключей. Я хотел прийти раньше, но мой долг не перед Энндуарой и перед вами задержали меня. Тем более моя фигура должна быть всегда в тени.

– Это мое последнее предупреждение! – Маададь посмотрел на Фудо, как едок на приготовленный ужин.

Неловкое молчание нарушили звуки труб.

Хошир посмотрел на временные линии на стене слева от него. Полумрак кабинета вносил в атмосферу некую таинственность.

– Сейчас придет Совет Десяти, я попрошу вас поприсутствовать на Совете. А после Совета мы проведем нашу встречу. Совсем нет времени, чтобы решать наши дела. – Жалоба прозвучала уже мягче.

Через некоторое время кабинет начали постепенно заполнять приходившие монахи Совета и рассаживаться за столом. На кресле хошира была встроена панель управления светом. Хошир, щелкнув переключателями, наполнил кабинет теплым сиянием.

Монахи скинули капюшоны, тем самым выразив приветствие хоширу.

– Да прибудет с вами сила Восьми Лун! – громко и восторженно произнес хошир.

– Доруга-Ла, мой хошир, – ответили монахи хором.

Хошир согласно кивнул, прикрыв на мгновение глаза.

После того как монахи расселись, Маададь начал говорить:

– Все вы знаете, что недавно наш храм подвергся проверке из Лигерхальда. Агенты шныряли по храму, как портовые псы. Поэтому нам нужно быть предельно осторожными, особенно, когда впускаете монахов в храм.

Один крупнолицый монах, сидящий на одном ряду с Фудо, заговорил бархатным голосом:

– Мы сделаем все, что потребуется для безопасности нас и наших прихожан. Если мы обнаружим хоть одного агента, даю слово, мой хошир, обратно он не вернется...

Внезапно его перебил монах с худым вытянутым лицом, сидящий напротив.

– А почему вдруг лигеральдские псы начали нас проверять? Мы что, какая-то портовая лавочка? Почему им вообще разрешают входить в наш храм?

Средь монахов пробежало перешептывание.

– Прошу сохранять тишину! – невозмутимо сказал хошир. – Как вы знаете, в Лимессе грядут циклические перемены. Уже скоро, после синего солнца, власть над страной перейдет к Эйзулuru. Лигерхальдская власть закончатся и вскоре мы будем наслаждаться своим положением. А сейчас главная задача Лигерхальда – накопать как можно больше, найти и обвинить нас в том, чего мы не совершали, чтобы потом на Великом Сходе, перед высокими людьми, унижить наш город и продлить себе власть. Но этого не произойдет. Я уже подготовил прекрасных сыщиков и разведчиков, которые будут предотвращать все вылазки и разведывательные операции Лигерхальда в Эйзулуре. – Маададь взглянул на женщину. – Это все будет происходить настолько тихо, что ни вы ни наши прихожане не заметят и Лигерхальд будет доволен.

Среди монахов снова пробежали шепотки.

– Не беспокойтесь, уважаемые члены Совета! – вступила Ягрит и монахи стихли. – У нас есть методы и средства, которые с легкостью обеспечат Эйзулuru безопасность и не приведут к ссоре с Лигерхальдом.

– Но каким образом? – вставил длиннолицый монах.

– Не забивайте себе голову пустяками, – парировала Ягрит. – Наша изящная дипломатия и новейшие технологии позволят с легкостью контролировать ситуацию в городе и представить его в нужном свете.

Игрит сделала несколько маленьких глотков гартэзэ.

Хошир оглядев весь стол, и прервал повисшее молчание:

– Мы не будем сегодня долго заседать, – своим ровным басовитым голосом произнес хошир. – Раз у нас такие беспокойные времена, нам нужно консолидировать силы и направить их в нужное русло. Совету Десяти поручаю: сегодня на вечерней молитве начать вводить трансментальную технологию М-205 для всех прихожан. Нам также необходимо проводить пропаганду среди наших послушников, чтобы обезопасить себя полностью и не допустить нежелательных случаев.

Длиннолицый снова ввязался в разговор.

– Мой хошир, не хотите ли вы сказать, что М-205 будет проводиться до синего солнца?

– Да, это необходимость.

– Но последствия М-205 в будущем плохо могут сказаться на торговле с Шаккамом и на нашем храме, как это было семьдесят индиктов назад.

– После обретения Эйзулуром желаемого статуса, мы объясним прихожанам нашу осторожность и подадим это под видом несостоявшейся несправедливости.

Длиннолицему было нечего ответить.

– Хорошо, – сказал хошир. – На сегодня все. Вы можете быть свободны и возвращаться к своим обязанностям. Да будет с вами свет Восьми Лун!

– Доруга Ла, мой хошир! – разом сказали монахи и все накинули капюшоны.

Совет Десяти начал медленно покидать кабинет. Хошир достал лунные камни и начал их перебирать. Когда ушли все монахи, он выключил теплый свет комнаты. Его головной убор, казалось, светился еще ярче, чем прежде. Фудо крутил в руках небольшую связку ключей и думал о своем. Ягрит продолжала отпивать напиток и лишь иногда поглядывала на Фудо.

– Ну что же, – начал хошир, – вот и время поговорить о главном.

Ягрит и Фудо устремили взгляд на хошира.

– Наш план начал приносить плоды. Мы каждый день получаем достаточное количество информации, а ее качество, сами понимаете, очень высокое.

– Есть ли какие-нибудь трудности, мой хошир? – заинтересованно спросил Фудо.

– Пока нет. Они не понимают как это устроено, чему я бескрайне рад. Прошу вас продолжать работу в данном направлении.

– Да, мой хошир! – ответил Фудо.

Хошир, покрутив камни в руках, продолжил:

– Ягрит, как там поживает наш «герой»?

– Он в норме. Правда наши парни немного перестарались и его лицо сейчас напоминает сине-красное месиво. Да и ходит он, скажу я тебе, не важно.

– Доктора у него были?

– Да. Сказали ничего страшного. Несколько ушибов и пара гематом на ноге.

– Он идет на контакт?

– А куда ему деваться? – с ухмылкой произнесла Ягрит. – Мы же его кормим.

Легкая улыбка появилась у всех на лицах.

– Там все безопасно? – продолжал допытываться хошир.

– Естественно. Он прикован толстой цепью к стене за ногу. На руках тоже кандалы. Ведет себя тихо.

– Ты к нему уже пускала проповедника Йорно?

– Он оттуда не выходит, – на лице женщины заиграла легкая улыбка. – Он постоянно там. У меня очень мало времени для проведения допросов.

– Очень хорошо. Я скажу проповеднику, чтобы он немного ослабил хватку, – удовлетворенно произнес хошир.

Ягрит допила гартезэ и поставила кубок на стол.

– На этом наша встреча подошла к концу. Мне через некоторое время нужно быть в торговом доме возле порта. Есть ли вопросы?

Фудо и Ягрит отрицательно помотали головой.

– Отлично! – хошир встал с кресла и двинулся в темную часть комнаты для того, чтобы переодеться.

Ягрит и Фудо покинули кабинет и вышли в просторный освещенный коридор с каменными стенами.

– Слушай, Фудо, – полушепотом спросила Ягрит, – что такое М-205?

Фудо, посмотрев на нее выразительным взглядом, ответил:

– Эта технология была впервые внедрена в двести пятом индикте. Когда прихожане посещали храм, то включалась музыка на неслышимых человеческому уху частотах и медленно запускался специальный газ – сиодин, – который не имеет запаха. После определенного количества посещений у последователей храма формируется чувство страха, осторожности, какой-то необъяснимой пугливости. В их головах формируется представление того, что только в храме они могут быть защищены.

– Интересно, – задумчиво произнесла Ягрит.

Они прошли несколько коридоров и остановились на развилке.

– Я пойду навещу «героя, – с улыбкой сказала Ягрит.

– Будь осторожна, – ответил Фудо. – Кто их знает – этих «героев»...

– Там скорее всего уже проповедник Йорно.

Ягрит зашагала к лифту, а Фудо стоял неподвижно и провожал ее взглядом, не сводя глаз с ее стройной фигуры. Когда лифт с женщиной уже уехал, он еще немного постоял и затем быстро направился к лестницам.

Она спустилась на седьмой, последний уровень и вышла в тускло освещенный коридор. «Обычно тут было ярче», – подумалось ей.

Она шла к камере уверенным шагом.

Когда она вошла в сектор с камерами для пленников, то не было ни одного включенного фонаря. Стоял полнейший мрак. Она стояла неподвижно – ее глаза привыкали к темноте.

«Очень странно», – в голову Ягрит закрадывались тревожные мысли.

– Проповедник Йорно? – Голос Ягрит эхом разнесся по коридору.

Ответа не было.

Она постепенно пошла вдоль коридора и заметила, что дверь в камеру «героя» была открыта.

– Йорно? – без особой надежды спросила она темноту.

К ее горлу подкатывала тяжесть. Ягрит ступала осторожно, чтобы ее шаги было не слышно. Она осторожно подошла к двери и из-за нее заглянула в камеру.

– «Герой», ты тут? – спросила она шепотом.

– Да, – ответил тяжелый мужской измученный голос. – Где же мне еще быть?

Ягрит набралась смелости и вышла из-за двери, остановившись в проеме. Висела пугающая тишина, изрядно подкрепленная темнотой. Она вглядывалась в темноту, но безуспешно.

– Извини, я забыла твое имя. А где проповедник? – спросила Ягрит.

– Он приходил... Потом отключился свет. Он вышел проверить, что случилось и до сих пор не вернулся.

– И давно его нет?

– Незначительное время.

– Что значит незначительное время? – с укором задала вопрос Ягрит.

– У меня нет ни окон, ни приборов. Я не знаю что сейчас: утро, день или ночь. Поэтому мой ответ может показаться вам немного странным.

Она не видела его лица, даже его силуэта, но голос его звучал как и вчера. Значит ничего в этом «отключении света» не было, раз «герой» говорит спокойно.

– Ну что ж, – сказала Ягрит, – значит будем с тобой разговаривать о следу...

Внезапно раздался глухой удар и Ягрит рухнула на пол с коротким стоном. На ее месте появился некто, кого скрывала тьма.

8. Лимесса. Руфаберро

Затихающий звук двигателя астагема разбудил Икфо. Залитая ярким солнцем кабина обнажила все уголки, которые ранее были скрыты от глаз – приборы и различные указатели. Он увидел, что Лифион все также стоял за штурвалом, а Долаф на соседнем кресле все еще спал. Икфо вспоминал обрывки путешествия: Даргалион с его огромными башнями – там они делали остановку, даргалионские загородные ореховые плантации, бескрайние зеленые поля, скалистые участки Сагрены – все это было словно частички одной мозаики.

Астагем опустил на воду и тихо шел по течению.

Лифион повернулся к Икфо.

– Разбуди этого, – сказал он, кивая на спящего Долафа.

Икфо увидел глаза Лифиона. Зрачки были не как у обычного человека. Словно художник нарисовал их, а потом капнул на них воды, оставляя разводы.

После того как Долаф был разбужен, астагем уже подходил к причалу, где было несколько одиноких рыбацких лодок. А недалеко от причала начиналось бескрайний океан, куда впадала река. В этих местах русло Сагрены было огромно.

Первое, что бросилось в глаза Икфо, когда он ступил на берег, были пустоши и холмы, уходящие до самого горизонта – с одной стороны, и океан – с другой. Ему было как-то не по себе сразу ощутить столько свободного пространства вокруг себя, так как он был дитя города, и лишь несколько раз в жизни ему удавалось покинуть Лигерхальд. Но все равно в тех местах, где он бывал, жили люди и чувствовалось присутствие жизни. А тут лишь тишина, звуки бьющихся о берег волн и голоса птиц и бескрайние пространства. Причал казался покинутым людьми, как после войны или эпидемии.

С причала сошел Долаф. Он поставил сумку на каменисто—песчаную почву и побежал к небольшому холму.

Лифион живо закрыл кабину астагема и с черной сумкой спустился с пристани. Его живость была столь натуральна, что казалось, что он недавно проснулся, а не вел астагем на протяжении семи парсов.

Лифион живо зашагал по тропинке ведущей меж холмов. Долаф, добежав до холма, начал мочиться, испуская сладостные стоны. Икфо ничего не оставалось делать, как взять сумку Долафа и свою и следовать за Лифионом.

Ребята, – крикнул Долаф им вслед, – у меня тут своя Сагрена появилась.

На лице Икфо появилась легкая улыбка.

Лифион шел впереди уверенным шагом. Икфо казалось, что Лифиону не интересны его напарники, потому что они их не ждал, не спрашивал у них об обязательствах и задачах. Его лидерская позиция и стремительность его действий ставили вопрос о прикладной надобности Икфо и Долафа как напарников.

Икфо нес две сумки, ускоряя шаг, чтобы догнать их лидера. Долаф, доделав свои дела, уже бежал за ними.

Дорога петляла среди невысоких холмов. Было невозможно увидеть, что будет впереди и куда она ведет. Обогнув несколько холмов, Икфо решил все же подождать Долафа, так как тяжесть двух сумок делала преследование Лифиона весьма непростым испытанием.

Подоспевший Долаф остановился и отдышался.

– Я надеюсь ты аккуратно нес сумку? – задал вопрос Долаф, наклоняясь к сумке.

– Все нормально, не беспокойся, – ответил Икфо.

Долаф, расстегнув молнию, посмотрел внутрь, пошарив там рукой, закрыл сумку.

– Ну что? Пошли в Руфаберро, а то наш предводитель может передать наше поведение в высокие кабинеты, – проговорил Долаф.

Они направились по тропинке через холмы.

Завернув за очередной холм, они увидели стоящего Лифиона. Но был не один. С ним стоял долговязый человек в сером костюме. Когда они подошли, Лифион сказал:

– Знакомьтесь, это Фауб – помощник руководителя Руфаберро.

Икфо и Долаф подошли поближе к Фаубу для первого знакомства. Икфо вытянул правую руку на уровне живота с вертикально поставленной ладонью. Фауб сделал тоже самое. Они сблизили ладони, но не допуская прикосновения. На мгновение задержали их. Затем Фауб потянул ладонь вверх, а Икфо в низ. Ритуал знакомства был завершен. Затем тоже самое проделал и Долаф.

– Ну что ж, – неуверенным голосом произнес Фауб, – добро пожаловать в Руфаберро!

Фауб вел их среди холмов, которые были покрыты сухой травой. Но несмотря на безжизненный пейзаж, воздух уже был наполнен живостью и приходящим ароматом пробуждения природы. Солнце, тут на севере Лимессы, было более ярким, чем в Лигерхальде – это про себя отметили все прибывшие. Казалось, что солнечные лучи пытались пронести свой свет и тепло во все места, заливая тропу, холмы и припекая лица идущих.

Когда все четверо поднялись на холм, то Руфаберро застал всех врасплох. Точнее его красота и вычурность. Узкие улочки, дома странной формы, малолюдность, чарующий вид на океан – все это великолепие привело гостей из Лигерхальда в восторг. Икфо ни разу не видел ничего подобного. Все, что он знал о Руфаберро, так это что здесь относительно прохладно, и знаменитые руфаберрийские специи, водоросли, рыба и горячие жемчужины.

Фауб вел их к необычному зданию, выкрашенному в желтый цвет, с причудливыми редкими окнами и флагом Лимессы на крыше. Оно находилось на окраине городка, как бы встречая гостей и провожая отбывающих.

Подходя ближе, Икфо рассмотрел здание поближе и оно по форме напомнило ему кусок теста, который сначала скатали в шар, а потом прижали к столу. Сразу же в голову пришло и другое сравнение – капелька утренней росы на листке дерева. Но в целом, ощущение у Икфо было то самое, когда его приводят на небольшой семейный праздник.

Они обошли здание и подошли к крыльцу, завершением которого являлась дверь. По обе стороны крыльца стояли клумбы на ножках без цветов. Фауб быстро преодолел три ступеньки (это говорило о том, что он частый посетитель этого места) и открыл дверь, приглашая их войти.

Пройдя по длинному коридору они вошли в просторную комнату с большим круглым столом, за которым сидел внушительных размеров человек. Икфо сразу бросились в лицо его голова и мощные плечи. Взгляд его был спокойным и не проявлял какого-либо удивления новым персонам. Он быстро встал и, обойдя стол, подошел к гостям.

Фауб начал говорить неуверенным голосом:

– Разрешите мне представить вам, дорогие гости из Лигерхальда, главу Руфаберро – Имед Кабруу.

После чего Имед начал сжимать ладони каждого гостя, каждый раз произнося свое имя. Он сжимал достаточно крепко, чтобы дать всем понять, что сила у него есть и не малая. Это выбило их из колеи. Такого вида знакомства никто из Лигерхальда не встречал.

– Это древний способ приветствия среди мужчин. Он был еще до огня, – сказал Имед и жестом пригласил гостей за стол.

После того, как все уселись в мягкие кресла по кругу, все обратили свои взгляды на Имеда. Он живо нырнул рукой под стол и достал бумаги.

– Итак, – глубоким голосом заговорил Имед, – вы добрались сюда из-за какого-то мелкого дела, типа гибели местного рыбака? Такие чудеса происходят почти каждый ход Ювы, – после этих слов из бороды управляющего выглянула белоснежная улыбка.

Икфо заметил, что в его тоне нотки надменности и величия над гостями. Было очень странно слышать такое от почти незнакомого человека.

Лифион бросил на Имеда тяжелый взгляд.

– Мы вовсе не надолго, – ответил Лифион. – Мы всего-навсего опросим выжившего, точнее мои коллеги: Икфо и Долаф, а я проведу разведывательную работу на предмет разных обстоятельств, упущенных улик и подозрительных лиц. И, возможно, сегодня вечером мы уже будем лететь над Сагреной в Лигерхальд.

Имед окинул еще раз всех взглядом. В Иমেде была стойкость и северный характер, которые отражались спокойствием в его глазах.

– Вот так-то лучше, – произнес Имед. – Думаю, можно приниматься за работу. И, пожалуйста, ведите себя в городке как можно не приметней. Я не хочу, чтобы вы портили праздник Цветения для жителей Руфаберро.

– Мы приехали не веселиться, – волевым голосом сказал Долаф. – Мне нужно осмотреть место, где жил выживший и личные вещи, которые были найдены в лодке. А мои коллеги будут вести допрос. Вся необходимая информация у нас есть.

– Отлично! – сказал Имед. – Сейчас мой племянник приведет Колла сюда и ответит вас в его дом, а также передаст все личные вещи, которые были найдены в лодке. Кроме горячих жемчужин, конечно.

Долаф с легкой улыбкой одобрительно кивнул головой, потому что понимал, что по-другому в данном случае не стоит вести переговоры.

Имед послал ментальный сигнал Соуму:

– «Приведи его».

Пока Соум с Коллом находились в пути, в комнате для приемов все было без изменений. Икфо и Долаф, сидя за столом, перебирали документы дела, раскладывая их в определенном порядке. Лифион и Имед отошли вместе к окну и беседовали о чем-то вполголоса. Фауб как статуя стоял около входной двери, покорно смотря на стену.

Несмотря на то, что в здании было мало окон, в комнате, где они сидели было много света.

«Вот что значит эффективно построенное здание», – подумал Икфо.

Он осмотрелся – в комнате было все скромно – несколько полок с книгами, картины с морской тематикой (видимо работы местных художников), на полу стояли белые однотонные вазы с зелеными карликовыми кустарниками.

«Как все просто и все на своем месте», – снова заключил Икфо.

В воздухе комнаты витал еле заметный запах фригтовых напитков, что делало атмосферу как бы домашней.

Пока Долаф продолжал читать документы и раскладывать их в нужном порядке, Икфо продолжал осматривать комнату. На потолке висела необычная люстра, напоминающая какое-то растение, стол за которым они сидели был сделан из крепкого дерева, скорее всего завезенного из южных частей Лимессы. Взгляд его внезапно привлекла дверь в углу комнаты, которая была украшена яркими узорами золотистого цвета. Этот блеск и захватил взгляд Икфо.

«Личный кабинет Имеда», – догадался Икфо. После чего он перевел взгляд и начал смотреть в окно, открывавшее вид на залитое солнцем побережье.

Внимание всех привлекли стуки шагов по крыльцу. Фауб открыл дверь и в комнату вошли два парня почти одинакового роста. Сразу было понятно, кто из них пострадавший. Неуверенные скованные движения несли беднягу к столу, глаза как будто смотрели через все, что его окружало, глубоко в землю, не замечая никого из присутствовавших, волосы были взъерошены и торчали в разные стороны, одежда была смятой, не проглаженной, напоминающая пижаму для людей преклонного возраста.

Второй парень с большим рюкзаком на спине проводил его до стула, который был напротив Икфо и Долафа, усадил и подошел к Имеде. Долаф оторвался от бумаг и принялся осмат-

ривать потерпевшего. Через несколько мгновений Имед и второй парень подошли к столу. За ними подошел и Лифион.

– Это мой племянник Соум. Он из Даргалиона приехал погостить на праздники, – представил юношу Имед. – Он будет оказывать вам небольшую помощь в ваших делах, дабы ускорить процесс расследования.

Прибывшие в Руфаберро лигерхальдцы понимали, что им тут не совсем рады.

Соум снял с плеч рюкзак, поставил его на стол и принялся вытаскивать вещи Колла – желтый рыбацкий комбинезон в пятнах крови, плотные перчатки, огромные щипцы для раскалывания клиофаммов, а также кучу мелких рыболовных снастей, которые удалось найти в лодке. Пострадавший сидел, глядя в одну точку, не обращая внимания на происходящее в непосредственной близости от него.

– Это все, что было на нем и при нем, – прокомментировал Имед.

Управляющий взглядом, обращаясь к Соуму, метнул глаза в сторону Лифиона. Соум в ответ утвердительно кивнул и кинул пустой рюкзак на пол рядом со столом.

– Я и Фауб, мы отведем вас к дому Колла для осмотра, пока дядя и ваши коллеги будут проводить допрос, – обратившись к гладковыбритому мужчине, сказал Соум.

Лифион не стал задавать уточняющих вопросов и просто последовал за Соумом и Фаубом.

В комнате приемов повисла тишина.

Имед громкими шагами прошел к столу и уселся в мягкое кресло.

– Давайте начинать, – скомандовал Имед. – Мне через пару парсов нужно быть на празднике. Давайте не будем затягивать время!

Икфо передал все содержимое рюкзака Соума на осмотр Долафу, перед этим забрав у него всего бумаги по делу. Икфо заметил, что Долаф стал не таким активным и разговорчивым с тех пор, как они встретили Фауба на тропе среди холмов.

– Колл провел всю ночь в лазарете, под присмотром лекаря, так что не обращайтесь внимание на его вид. Он прямиком оттуда пришел, – с ухмылкой сказал Имед. – Была б моя воля, – Имед сосредоточил взгляд на бедолаге и сжал правый кулак, – я бы вышвырнул тебя из городка куда подальше. Такие разгильдяи тут, в Руфаберро, никогда не выживали. Только статус и уважение к твоей семье позволяют тебе топтать эту благородную землю.

Икфо взял в руки стопку бумаг и пробежался взглядом по первому листу.

– Итак, – начал Икфо ровным голосом, читая информацию с листа. – Колл. Родился и проживаешь в Руфаберро. Четвертый сын в рыбацкой семье.

Когда Колл услышал свое имя, он вздрогнул и вперил свой пустой взгляд в Икфо.

Икфо продолжал:

– Скажи, Колл, как ты попал на эту лодку, в которой тебя нашли?

Колл, немного помолчав, медленно начал говорить.

– Ну, это... В общем, вчера в обед я гулял по берегу. – Взгляд Колла спустился с Икфо и начал сверлить стол. – Я люблю гулять по берегу, собирать всякие интересные камни, смотреть на небо, на волны. Я там часто бываю. Мне нравится быть там одному. В тот раз я был один. Пройдя много шагов, я присел на камень, чтобы отдохнуть. Я сидел там долго...

– Ты в какой части берега находился? – прервал его Икфо.

– Ну, там, за аквафермой, – ответил Колл, не отрывая взгляда со стола.

– Продолжай, – сказал Икфо.

– Так вот, я сидел и слушал волны долгое время. Вдруг я услышал хруст камней под ногами позади себя и обернулся. Это был Гро.

– Не мели чушь! – взорвался Имед и ударил кулаком по столу. Долаф и все вещи, которые он осматривал подпрыгнули вместе со столом.

– Подождите, подождите, – повернувшись к Имеду, сказал Икфо. – Что вас не устраивает?

– Он мелет чушь, рассказывает какие-то свои выдумки и бредни. – Имед явно был недоволен.

– Почему?

– Да потому что Гро не живет в Руфаберро уже как два индикта. А добраться к нам, как вы знаете, можно только по Сагрене или по берегу. Других путей в Руфаберро нет. Новых лодок на всех пирсах в Руфаберро тоже нет. И что-то я сомневаюсь, чтобы Гро притопал на своих двоих по берегу от Эйзулура.

– Но он там был! – вдруг воскликнул Колл, продолжая пялиться в одну точку.

– Ох, я из тебя дурь то выбью... – угрожающе сказал Имед. Он был вне себя.

– Так! – немного повысив голос, протянул Икфо. – Кто такой Гро?

Имед, не давая сказать Коллу, продолжил говорить.

– Да был тут один, вольный торговец. Обчищал рыбацкие лодки и тырил, что плохо лежит с аквафермы. Все рыбаки его не переносили. Однажды я его прижал и сказал, чтоб духу его тут не было. После этого он уехал. Знаю только, что он поселился в каком-то вонючем портовом городке близ Эйзулура. С тех пор, я про него ничего не слышал, и он сюда точно не возвращался.

– Вот это уже интересно, – записывая новый факт в протокол, проговорил Икфо. – Колл, продолжай!

– Так вот, он подошел и начал со мной говорить... Он практически не изменился с тех пор, как я его видел в последний раз... Он начал говорить о празднике, ну и ловле этого клиофамма... Говорил, что на этом можно хорошо подзаработать... Я сказал ему, что до праздника нельзя, и вообще многие жители будут очень недовольны, если он покажется им на глаза... Но он был очень настойчив...

– Как же не быть с такой тряпкой как ты! Рыбак-неудачник! – вновь Имед прервал монолог Колла, не переставая испепелять взглядом несчастного.

Момент тишины, повисшей после очередного обвинения Колла, нарушал лишь скрежет карандаша по бумаге, которым ловко орудовал Икфо.

Помолчав немного Колл продолжил:

– Он пообещал большую сумму за работу... Сами знаете, как ценятся горячие жемчужины... Мы договорились встретиться за акваферамами... Гро сказал, что лодку он добудет сам...

– А знаешь чья была это лодка, на которой вы устроили прогулочку? – опять вмешался Имед. – Твоих родителей! Дуралей ты этакий!

Создавалось такое впечатление, что допрос проводит сам Имед с толикой ненависти и пренебрежения.

– Подождите, подождите! – вмешался Икфо. – Дайте ему договорить, как все было. Вы сами сказали, что вам нужно быть как можно раньше на празднике.

Слово Икфо подействовали на Имеда. Он откинулся в кресле и перевел взгляд на окно.

– Продолжай, – сказал Икфо, взяв чистый лист бумаги и приготовив карандаш для работы.

– Мы вышли ночью...

Его слова прервали звуки шагов по крыльцу. Взор всех сидящих на допросе теперь был устремлен на вошедшую тройцу. Лифион выглядел словно дикий зверь, явившийся в логово без добычи. Он был явно не доволен поисками в доме Колла. Фауб и Соум остались стоять у двери, а Лифион быстро подошел в Долафу.

– Что у тебя? – спросил он у Долафа.

– Да тут ничего особенного, – неуверенно сказал Долаф. – Только вот тут какой-то непонятный предмет. Похож на стартер или типа того, – он протянул цилиндрический предмет Лифиону.

Бритоголовый взял предмет в руки и внимательно осмотрел его со всех сторон.

– Хорошо, – холодно сказал Лифион. – Я возьму это и комбинезон.

Положив цилиндрический прибор в карман плаща, он взял со стола испачканный в крови комбинезон и свернул его в нечто, напоминающее шар, и быстрым шагом направился к двери.

– Мне нужно вернуться к астагему. Сопровождение не нужно, – с этими словами он вышел из переговорной.

Всем было понятно, что Лифиону не важен сам допрос, ему нужны были только улики и ничего кроме них. В голове Икфо вертелся один вопрос, который не давал ему покоя:

«Раз Лифион эклъ и его призвание вытаскивать у людей правду, то почему он не ведет допрос? Почему это делаем мы?»

Как только дверь захлопнулась Соум и Фауб заняли свободные места за столом.

– Итак, на чем мы закончили? – Икфо решил продолжить разговор.

Колл сидел пялясь в одну невидимую точку на столе.

– Эй! – окликнул беднягу Икфо, махая карандашом.

Колл вздрогнул, как бы возвратившись откуда-то в комнату допросов. Он оглядел всех таким взглядом, будто до впервые видел этих людей.

– Что? – спросил он, уставившись на Икфо.

– Продолжайте! Что было дальше?

– Дальше... – задумчиво сказал он. – Мы плыли долго... Было темно... Но потом мы оставились недалеко от пиртовых заграждений... Так много я их никогда не видел... Какие же они красивые... Теплые... Мы стали их ловить и доставать жемчужины... Все было очень быстро... Мы набрали достаточно, чтобы...

– Достаточно? – Имед не унимался. – В охлаждающем геле мы насчитали шестьдесят четыре штуки.

– А это много или мало? – вмешался Икфо.

– В среднем за праздник Цветения наши рыбаки собирают примерно от пятиста до семиста штук. На это наш поселок может жить целый индикт без хлопот, не работая. Но сами понимаете, что примерно треть мы отдаем в виде налогов, еще примерно полторы сотни мы посылаем в Даргалион для индустриального комплекса и на нужды науки. А за остальное количество мы покупаем продукты, строительные материалы, предметы быта и медикаменты. Жемчужины весомая часть нашего бюджета. И если на двоих иметь шестьдесят штук и потом продать их удачно ребятам из ЛОТАГ, то можно обогатиться до бесстыдства.

ЛОТАГ была всегда на слуху. Где горячие жемчужины, там и ЛОТАГ. Эта компания была основана в Эйзулуре одним торговым воротилой полтора ста индиктов назад, путем хитрых манипуляций и дружбой с Шаккамом. После смерти ее основателя все владения и все состояние компании перешло к его детям и внукам. С недавних пор ЛОТАГ получила право контролировать все передвижения жемчужин в Лимессе, но при этом она потеряла право торговать ими с Шаккамом, заключив договор с ныне правящим городом – Лигерхальдом. Потеря шаккамского рынка была незначительным ударом для компании, так как открывались новые возможности, которые были связаны не с прибылью, а с тем, что стояло над богатством – влияние.

– Ясно! Легкой наживы захотелось? – риторически задал вопрос Икфо.

– Вовсе нет... Я хотел помочь Гро... Ну и выйти по-настоящему на большую воду... Мои отец и братья каждый год твердят, что я буду им необходим в ловле... Но как только доходило до дела, то я сразу становился лишним...

– Что было на лодке той ночью?

После этой фразы Колла вдруг начала пробирать мелкая дрожь. Он как будто бы стал заново переживать тот ужасный момент в его беззаботной жизни. Он начал быстро крутить головой по сторонам, словно все сидящие за столом стали для него некими чудищами из морской глубины. Но мощный удар рукой Имеда по столу мгновенно сбил все порывы страха и оцепенения. Он успокоился и принял исходную позу, в которой ему было удобно отвечать на вопросы.

– Слышишь, лодочник, хватит задерживать допрос. Я сегодня не в духе смотреть на твои кривлянья. И так дел полно, – с грозным взглядом произнес Имед.

Колл осторожно заговорил:

– Ну... Это... Мы были уже возле пиртовых заграждений, когда Гро показал мне это... Ну, эту штуку, которая громко пищала... Она пищала там в воде... А потом приплыли клеофаммы... Их было много... Очень много... Мы только успевали их ловить и раскалывать...

Все в зале насторожились. В истории появилась новая вводная.

– Что за штука? – спросил Икфо с интересом в голосе.

– Я не знаю... Ее принес с собой Гро... Но она работала... Хотя уши болели...

– Где она теперь?

– Я не знаю... Эта вещь Гро...

Поняв, что дальнейших пояснений не получить, Икфо продолжал:

– Что было дальше?

– Мы набрали уже много жемчужин... Больше, чем мой отец... Я хотел обратно... Но потом я увидел за пиртовыми заграждениями свет... Такой яркий... Гро поплыл туда... Я его отговаривал... Он не слушал... А потом... – тут его голос стал очень напряженным. – Ну, когда мы перемахнули через заграждения... На Гро напали эти... Эти... Было много крови... Она брызгала на меня... А потом они забрали его на глубину... Я спрятался в лодке... Чтобы жить... – почти шепотом произнес он последние слова. Из глаз парня хлынули слезы

Колл замолк. Икфо дописывал протокол допроса.

– Ну, наконец-то! – сказал Имед. – Фауб, Соум уведите этого болвана обратно. А я пока провожу наших гостей.

Соум и Фауб взяли Колла за руки, осторожно поставили на ноги и вывели его из здания. Икфо закончил с протоколом и сложил все бумаги дела в папку. Долаф тем временем дописывал последние строки описи вещей пострадавшего. Имед, довольный тем, что все быстро закончилось, сидел в весьма неплохом расположении духа.

Долаф складывал бумаги обратно в сумку. После того, как все было аккуратно уложено, он достал большой серый конверт и передел его Имеду.

– Это небольшой сувенир из Лигерхальда, – с улыбкой сказал Долаф.

Имед сразу же вскрыл конверт и достал содержимое. Это была золотая ллува в заламинированном прозрачном безвоздушном пластике. Несмотря пластиковую упаковку, блеска она не потеряла. По лицу Имеда было заметно, что презент ему приглянулся.

– Никогда не видел этой дряни, но смотрится эффектно, – рассматривая ллуву, пробасил Имед.

– Она нетленна всего несколько дней, а в пластике ей можно наслаждаться бесконечно, – пояснил Долаф.

– Благодарю! – с улыбкой сказал Имед. – Покажу сегодня местным, пусть посмотрят.

Отложив ллуву, Имед поднялся из-за стола.

– Раз вы закончили, то разрешите мне проводить вас до пирса, – довольно произнес Имед.

Вдруг послышались шаги на крыльце. В комнату вошел Лифион с той одеждой, которую он забирал, неся ее подмышкой, в другой руке он держал какой-то документ. Он быстрыми шагами подошел к столу, свалил одежду и положил лист бумаги перед Имедом. На листе были изображены два столбика цифр и букв.

– Я сделал анализ крови, которую я обнаружил на этом комбинезоне, на предмет веществ, которые могли бы быть запрещены в Лимессе, – глядя на Имеда, произнес Лифион.

Имед взял листок в руки, изучая глазами содержимое.

– И что показали ваши анализы? – кладя листок обратно на стол, неуверенно произнес Имед.

– Эта кровь не имеет никакого отношения к человеку.

9. Лимесса. Эйзулур

Сильная боль пронзила голову и шею одновременно, а затем разлилась по позвоночнику, донося страдания до всех участков тела. Это было первым, что Ягрит почувствовала, придя в себя. Она попыталась открыть глаза, но все тело сопротивлялось этому. В ногах и руках была слабость. Казалось, все силы куда-то испарились и она осталась наедине со своим нутром. В голове не было никаких мыслей, будто все, что она видела, думала, знала – было кем-то стерто. Ее поглотило странное чувство – словно нужно было начинать жизнь заново.

Она все же нашла в себе силы открыть глаза, и яркий свет от окна, которое было где-то слева, достиг ее зрачков. Она прищурилась, так как была не готова сразу воспринимать столько света. А через мгновение вновь закрыла глаза. Слишком больно смотреть. Немного полежав, она постепенно заставляла веки открываться, чтобы осмотреться. И, понемногу, ей это удавалось.

Потолок и стены были выложены дорогой изящной плиткой. Люстра в шаккамском стиле придавала комнате достаточно представительный вид. К ней начала постепенно приходить память – она была в своем доме, в своей спальне. Затем ее глаза медленно опустились и она увидела, что лежит в кровати, укрытая теплым пуховым одеялом с ромбовидными узорами. Она подняла взгляд повыше и увидела перед кроватью дверь из белого матового стекла. За дверью нарастал бесшумный темный силуэт.

Дверь открылась и в комнату вошла женщина средних лет с подносом, на котором было что-то напоминающее обед и стакан фригговского напитка, аромат которого быстро наполнял комнату. Женщина была одета в приталенное бежевое платье со свободными рукавами. Несмотря на ее печально-заботливые глаза, голос ее звучал приятно и нежно.

– Как хорошо, что вы пришли в себя, Ягрит! – с этими словами она быстро пронесла поднос мимо кровати и поставила его куда-то возле окна. Затем она наклонилась к Ягрит, потрогав голову тыльной стороной ладони. – Меня зовут Вейла. Хошир Маадаль попросил меня наблюдать за вами, пока вы не наберетесь сил.

– Сколько я была без сознания? – еле слышно задала вопрос Ягрит.

– Шесть парсов с тех пор как вас нашли, – быстро ответила женщина и вернулась туда, куда поставила поднос.

Веки с тяжестью опускались и поднимались – это давалось Ягрит с большим трудом. Несмотря на столь долгое отсутствие вне реальности, она не видела снов. Точнее, не могла вспомнить, что ей снилось. Данное обстоятельство сильно беспокоило Ягрит. Она видела сны каждую ночь или каждый раз, когда спала днем, что было очень редко, а затем записывала их в Книгу Пробуждений, чтобы просматривать варианты своего пути и сделать все правильно. Сделать все так, как велит нить жизни. Как представительница культа Диррудо, она полностью держала под контролем все события, что происходили с ней, либо вокруг нее. Но сегодня, как ни странно, натренированный и с такими усилиями добытый дар видеть сны ее подвел. Более того, вписывать в Книгу Пробуждений пробел является достаточно рискованным и опасным делом, потому что незначительная неизвестная переменная может привести к катастрофическим последствиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.